

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . . 4 р. — к.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею
на годъ . . . 14 руб.

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Спб. Новороссійск. пер. д. 6, кв. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Контрѣ—Спб.,
Новороссійск. пер. д. 6, кв. 11, а
также въ книж. маг., Вол-
фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Мазуина.
Въ Иркутскѣ—въ Контрѣ
Редаціи газеты «Сибирь».
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Торговля банкротства и экономической кризисъ Сибиря.—Хроника.—Корреспонденціи: Изъ Вѣрнаго, Иргиза, Казалинска, Иркутска, Минусинска, Томска и Николаевска на Амурѣ.—Сибирскія лѣтописи (Критико-библиографическое обозрѣніе).—Вокругъ Свѣта (экселе-
диція Г. Н. Потанина).—Сибирскій фельетонъ. *Добродушноя сибиряка*.—Хроника жизни за недѣлю.—Объявленія.

ТОРГОВЛЯ БАНКРОТСТВА И ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИ- ЗИСЪ СИБИРИ.

Многіе изъ нашихъ читателей, и особенно лица торговаго сословія, слышали уже о неутѣшительныхъ результатахъ нижегородской ярмарки. Какъ видно изъ отчета, доставленнаго намъ одною изъ сибирскихъ торговыхъ фирмъ, отпускъ на Востокъ товаровъ была гораздо менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, къ этому присоединился неплатежъ по векселямъ, какъ результатъ сибирскихъ банкротствъ послѣдняго времени. Факты эти заслуживаютъ быть разсмотрѣнными въ связи съ экономическимъ положеніемъ Сибиря.

Банкротства повсюду. Вотъ прежде всего общій бросающійся въ глаза фактъ. Банкротятся за Байкаломъ, банкротятся въ Томскѣ, банкротятся въ Тюмени, банкротятся въ Киргизской степи. За крупными банкротствами являются мелкія, второстепенныя, терпятъ богачи, а за ними терпятъ и нищета, вручившая имъ накопленные гроши. Банкротится торговецъ, привозившій въ Сибирь товаръ, пропадаютъ долги, является повышеніе цѣнъ, терпятъ и потребитель. Какъ въ фабричныхъ странахъ мануфактурные кризисы отдаются на судьбу массы рабочихъ, такъ торговые кризисы въ Сибири не могутъ не отдаться на массѣ населенія.

Собственно сибирскія банкротства и банкротства сибирскихъ фирмъ не рѣдкость; они являются періодически въ торговомъ мірѣ и нерѣдко ихъ испытываетъ одно лицо по нѣскольку разъ.

Какъ бы мы не объясняли эти отдѣльныя банкротства злоупотребленіями и жадностью или неумѣлостью и несчастіемъ, въ общемъ, при ихъ спорадичности, повторности и неизбѣжности, однако трудно игнорировать болѣе важныя причины находящіяся въ мѣстномъ экономическомъ строѣ. На самомъ дѣлѣ, если бы не было „безвыходности кредитующихся“ и тяжести кредита, тогда банкротства едва ли

бы были выгодны. Обязательства легче бы могли сдерживаться, еслибы здѣсь не было слишкомъ тяжелыхъ условий займа и невозможности подъ конецъ разсчитаться. Сибиряки кредитуются у фабрикантовъ и послѣдніе, давая кредитъ, однако ставятъ за него столь высокія цѣны, кромѣ условленныхъ процентовъ, что долги вырастаютъ въ неизвѣрномъ количествѣ, а такъ какъ выручка наличной цѣности товара при всемъ томъ, что кунецъ деретъ въ Сибири съ потребителя, не покрываетъ долга, то ясно остается одинъ результатъ—неоплатный долгъ и невозможность уплатить его. Таковъ характеръ кредита вообще для всѣхъ сибиряковъ, какъ можно видѣть на ярмаркахъ.

Если мы возьмемъ общій итогъ торговыхъ сдѣлокъ, то увидимъ, что сибиряки всегда въ долгу. Здѣсь явленіе переходитъ изъ сферы частной въ область экономическаго обмѣна произведеніями двухъ областей и двухъ странъ, находящихся въ особыхъ экономическихъ условіяхъ. Продавцы и бывающіе россійскій товаръ мануфактуристы являются въ болѣе выгодномъ положеніи, они предписываютъ условія покупателямъ. Сибирскіе производители, посылая своихъ агентовъ и посредниковъ съ одной стороны закупать товаръ, а съ другой предлагать сырье, находятся въ самыхъ худшихъ условіяхъ, за свои произведенія они получаютъ менѣе. Если мы разсмотримъ самый обмѣнъ, что производить и продаетъ Сибирь и что покупаетъ, мы увидимъ, что она сбываетъ кожи, сало, мѣха и всякое сырье, приобретаая сукно, ситцы, желѣзо и другіе фабрикатъ. Такое положеніе дѣлъ обусловливается уровнемъ развитія, хозяйствомъ и характеромъ производительности обмѣнивающихся странъ. Государство или страна, производица мануфактуру, производитъ всегда продукты въ увеличивающейся прогрессіи. Цѣль фабричной производительности производить какъ можно больше и дешевле, она ищетъ рынка и навязываетъ товаръ покупателю; „бери хоть въ кредитъ, послѣ сочтемся, но бери ради Бога!“ говорить она. Это навязываніе дорого стоитъ другой странѣ. Въ то время, когда мануфактурная страна (Россія, положимъ) страдаетъ отъ избытка продуктовъ фабричныхъ,

страна сырья совсѣмъ въ другомъ положеніи *). Здѣсь производительность окружена совершенно другими условіями. Производительность здѣсь имѣетъ предѣлы, сырьевщикъ не можетъ доставить сколько захочетъ, онъ даетъ то, что ему даетъ природа земля, скотъ, звѣроловство. Всѣ эти промыслы подвержены кромѣ того случайностямъ, неурожаи, падежи скота, неуроки звѣря, создаютъ колебанія. Мало того, страна сырья не можетъ рассчитывать на увеличеніе снимаемаго продукта, здѣсь мы видимъ противоположность мануфактурной прогрессіи. Земля истощается, скотоводство и плодovitость уменьшается, отъ вывоза, звѣрь выбивается и уменьшается годъ отъ году. Все это мы встрѣчаемъ и въ Сибири. И такъ Сибирь производитъ все менѣе, становится все бѣднѣе, а потребности населенія растутъ. Сибирскій крестьянинъ теперь болѣе потребляетъ мануфактуръ, чѣмъ прежде. По выкладкамъ и бюджетамъ жителей можно судить, что сибирскій крестьянинъ потребляетъ уже теперь на 12 р. мануфактуръ, въ годъ на душу, онъ забросилъ свои мелкіе кустарные промыслы въ виду увеличивающейся дешевизны фабриката; кочевникъ потребляетъ еще болѣе мануфактуры, несмотря на свою бѣдность, и его зависимость отъ рынка еще тяжелѣе. Мануфактуристъ же не только, какъ видимъ, можетъ удовлетворить эту потребность, онъ даже навязываетъ покупателю. Въ концѣ концовъ выводить, Сибири нужно на 4.000.000 жителей приблизительно на 48.000.000 мануфактурнаго товара, а уплатить своимъ сырьемъ она можетъ гораздо менѣе. Прибавьте къ этому, что вывозъ сырья, по случаю падежей скота и уменьшенія звѣря, уналь, говорятъ, въ три года на 45%. За то открылась широкая возможность пользоваться кредитомъ. Во первыхъ его даетъ самъ мануфактуристъ, навязывая товаръ въ тройной-четверной пропорціи мѣстнымъ торговцамъ, при этомъ одинъ покупатель не знаетъ, что хитрый мануфактуристъ столько же сбудетъ его конкуренту,—они стукнутся лбами только на мѣстѣ и другъ друга подорвутъ. Затѣмъ сибирякамъ помогли кредитоваться банки, открытыя на ярмаркахъ. Года три назадъ такой кредитъ отразился на крестовской ярмаркѣ. Неумѣренное пользованіе и соблазнъ этимъ кредитомъ также повелъ къ кризису. Изъ этой характеристики ясно, чѣмъ страдаетъ Сибирь, и ясно, почему она является банкротомъ. При слабой сырьевой производительности, истощеніи мѣстныхъ богатствъ, рядомъ съ увеличеніемъ потребностей и полученіемъ мануфактуръ, долгъ ея будетъ расти и положеніе ухудшаться.

Мы имѣемъ основаніе думать, что все это можетъ быть подтверждено цифровыми данными. Весьма жалко, что на главныхъ ярмаркахъ въ Нижнемъ и Ирбити до сихъ поръ не обследованъ точно сбытъ сибирскаго сырья, какъ и вывозъ фабрикатовъ на Востокъ **). Пора бы сибирскому торговому сословию разбраться въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и обратиться къ кому либо изъ экономистовъ и статистиковъ, проси оказать имъ эту услугу.

Извѣстно, что съ нижегородской ярмарки сбывается, по приблизительному расчету, въ Восточную Сибирь до 200.000

*) Фактъ этотъ выразился и на нынѣшней нижегородской ярмаркѣ, мануфактуры было заготовлено черезъ чуръ много: «некому брать», писали въ газетахъ.

***) Хотя намъ и извѣстно почтенное изслѣдованіе торговли на нижегородской ярмаркѣ г. Овчинникова, но это изслѣдованіе не могло коснуться спеціально сибирскаго торговаго.

пудовъ и цѣнность привоза равняется 20.000.000 руб. Затѣмъ развѣ немного менѣе идетъ въ западную, принимая во вниманіе болѣе развитую заводскую промышленность. При подробномъ разборѣ предметовъ торговаго, мы придемъ къ заключенію, что Сибирь довольствуется въ большинствѣ привозною мануфактурою. Переплата за эту мануфактуру весьма значительна, принимая во вниманіе посредниковъ, ихъ барыши, наконецъ, провозъ до отдаленнѣйшихъ мѣстъ, стоящій до 5 и 7 р. съ пуда.

Переплата эта конечно раскладывается и падетъ на потребителей. Купцы здѣсь ничего не теряютъ. Напротивъ намъ извѣстно, что они не стѣсняются налагать провозную плату. Въ концѣ года привозный товаръ истощается и чѣмъ скорѣе его доставить съ ярмарки, тѣмъ выгоднѣе. Поэтому нерѣдко товаръ везутъ въ Сибирь на тройкахъ, платя по 10 и 15 р. за возокъ. Извѣстно, что товаръ иногда посылаютъ въ Иркутскъ и далѣе даже по почтѣ. Сообразите, сколько приходится заплатить покупателю за пересылку. При всемъ томъ въ сибирскихъ городахъ, то сахаръ, то свѣчи, за исходомъ, поднимаются до неумѣрной цѣны. Публиковались случаи, когда нѣкоторые городки сидѣли безъ спичекъ и т. д.

Насколько дорогъ привозная мануфактура, настолько дешево сибирское сырье, обыкновенно вывозимое изъ Сибири въ видѣ масла, сала, кожъ, шерсти, пуху, волоса, пушныхъ товаровъ и т. д. Самое золото и металлы безъ обдѣлки мы можемъ смѣло поставить въ число сырья. Изъ этого создается особая экономическая зависимость окраины отъ мануфактурнаго рынка, кредитъ, потери, банкротства и всѣ невыгодные шансы, падающіе на одну сторону. Сибирскій торговецъ и купецъ банкротится вмѣстѣ съ страной.

Какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ видѣть экономическую зависимость, кабалу, долговые обязательства и такъ сказать „мертвую петлю“ на шеѣ задолжавшаго торговца, такъ ту же петлю мы видимъ и на суммѣ торговцевъ и на всей промышленности... Судьба странъ обмѣнивающихся сырьемъ на мануфактуру и зависимость одного рынка отъ другаго хорошо извѣстны во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Они признаны, какъ фактъ, всеми политико-экономами, начиная съ Листа, Кери и др. Это же самое явленіе породило расколъ и разныя школы въ политической экономіи. Одни страны, что бы не быть въ зависимости на мировомъ рынкѣ, не ввозятъ мануфактуръ и поднять свою промышленность, создали доктрину „протекціонизма“; другія, заинтересованныя сбытомъ своихъ фабричныхъ произведеній и привлеченіемъ сырья, доктрину „свободы торговли“. Такъ какъ интересы тѣхъ и другихъ расходятся на практикѣ, то обѣ стороны и обѣ школы ведутъ нескончаемую борьбу и дебаты.

Европейская Россія, какъ извѣстно, стоитъ въ этомъ вопросѣ на почвѣ протекціонизма въ дѣлѣ національной промышленности. Она сопротивляется ввозу иностранной мануфактуры и ограждаетъ себя цѣлою тарифной системой. Иностранные товары не могутъ проникнуть и въ Сибирь безъ пошлины, а поэтому мечтать Сибири о торговлѣ съ Европой большая наивность. Россія не сдастся на доводы „свободной торговли“, представителемъ которой является Англія. Роль послѣдней державы съ окрѣпшею промышленностью и стремленіемъ заполнить рынки хорошо извѣстна. Россія по отношенію къ Европѣ стоитъ въ положеніи страны земледѣльческой, стремящейся оградить се-

бя отъ невыгоднаго объёма и экономической эксплуатаціи. Яркими противниками свободы торговаго и протекціонистами являются конечно мануфактуристы. Въ этомъ случаѣ вполне понятны опасенія и стремленія всѣхъ фабрикантовъ, москвичей, костромичей, ярославцевъ и нижегородцевъ, опасавшихся иностранной конкуренціи. Но роль и теорія мануфактуристовъ измѣняется въ ихъ отношеніяхъ къ окраинамъ и внутреннимъ рынкамъ сырья. Въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ стоитъ Европейская Россія къ Англій и къ иностранной мануфактурѣ, въ тѣхъ же условіяхъ стоитъ Сибирь и окраины съ своей сырьевой производительностью къ русскому мануфактурному центру, съ тою разницею однако, что Сибирь и окраины не имѣютъ возможности оградить себя отъ торговой эксплуатаціи, и свободная торговля (*libre échange*) пожинаетъ свои плоды. Мы указали какія невыгоды падаютъ на край отъ ввозной торговли. Подчиненіе и кредитъ отражается не на однихъ торговцахъ, но и на сибирскихъ производителяхъ и потребителяхъ. Отсюда источникъ торговыхъ кризисовъ.

Въ такомъ положеніи, конечно, будетъ край до тѣхъ поръ, пока промышленность его будетъ на той же низкой степени развитія, пока Сибирь не научится обрабатывать своего сырья, превращать его въ компактную форму, наконецъ не создастъ у себя продовольствія собственными необходимыми предметами. Кери, отстаивая интересы американской промышленности въ своихъ социолого-экономическихъ трактатахъ, весьма ясно и подробно указываетъ необходимость каждой странѣ создать свои ближайшіе промышленные центры. Сибирь точно также при естественныхъ богатствахъ, при обиліи хлѣба и скотоводческихъ продуктовъ, должна совершенствовать промышленность. Залоги этого уже являются въ видѣ паточныхъ, мыловаренныхъ, салныхъ, желѣзныхъ и друг. заводовъ. Заводская промышленность края однако слишкомъ ничтожна и находится въ зародышѣ. Поэтому нельзя не удивится тѣмъ заѣзжимъ теоретикамъ, мудрящимъ надъ Сибирью, которые усмотрѣли въ земледѣльческихъ округахъ Сибири какіе то Манчестеры съ зародившимся пролетариатомъ. Сибири далеко еще до крупно капиталистическаго склада хозяйства, она еще не вступила на почву самой элементарной заводской промышленности. Въ той или другой формѣ проявится она, но, въ виду всесторонняго развитія силъ страны и удовлетворенія собственныхъ потребностей, несомнѣнно ей нужно будетъ позаботиться о мѣстной обработкѣ продуктовъ, стало быть и о промышленныхъ заводскихъ производствахъ, что бы не испытывать убытковъ, кредита и банкротствъ, неизбежныхъ при невыгодныхъ условіяхъ объёма и торговаго. Этотъ кредитъ и зависимость ложатся на все населеніе. Это источникъ кабалы, которая проявляется во всѣхъ сферахъ экономической дѣятельности и такъ тяжело отзыватся на бѣдномъ земледѣльческомъ населеніи.

ХРОНИКА.

Строительный комитетъ по возведенію зданій сибирскаго университета недавно окончилъ работу по пересоставленію и дополненію техническихъ смѣтъ на постройку университетскихъ зданій, произведенныхъ, согласно указаніямъ техническо-строительнаго комитета, состоящаго въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а также въдѣствіе сдѣланныхъ измѣненій профессоромъ Флоринскимъ, сообразно научнымъ и гигиеническимъ примѣненіямъ современной архитектуры.

Смѣты, какъ извѣстно, пересоставляются уже въ третій разъ. По смѣтѣ, составленной въ 1877 г. г. Бруни, общая строительная сумма выражалась въ 648,312 р.—88 к., въ 1882 г.—1.168,155—14, а въ настоящемъ году она вычислена въ 1,330,363 р.—43 к.—Не касаясь причины возвышенія означенныхъ смѣтъ, мы позволимъ себѣ только рассмотреть ея распределенія.—По упомянутымъ смѣтамъ исчислено: на постройку главнаго корпуса съ гнилыми флигелями и службами—634,102 р. 29 к., клиникъ съ бараками 251,016—22½ к., анатомическаго корпуса 65,029—41¼, химическаго корпуса 32,979—83 к., оранжереи и теплицы 29,009—54¼, обсерваторіи 25,632—8, часовни 3,236—38, водопровода 48,832—72½, на планировку мѣстности 72,543—8, на устройство газоваго завода 47,272—70 к., на содержание администраціи 110,709 р. 16¼.—На послѣдній предметъ по другой вѣдомости, расходъ исчисленъ, какъ произведенный по 1 августа сего года, такъ и предполагаемый израсходоваться до 1 января 1886 г., а именно: двумъ членамъ, командированнымъ отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для наблюденія за постройкою университетскихъ зданій—28,500 р., архитектору 4% съ общей строительной суммы 46,895—26¼, помощнику его 1,235, тремъ десятникамъ (по 600 р.) 11,617—87, двумъ чертежникамъ (по 900 р.) 5,649—99, смотрителю матеріаловъ 4,625—83, бухгалтеру 4,920—48, двумъ писцамъ (одному 300, другому 360) 3,391—50, членамъ столовъ 3,281—71 и на канцелярскія потребности 2,511—50.

Въ счетъ смѣтной суммы комитетомъ получено: пожертвованныхъ разными лицами и учрежденіями 366,777 р. 46 к., ассигнованныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 200,000, а всего 566,777—46; слѣдовательно для дальнѣйшихъ операцій требуется кредита около 716,777 р. 27 к.

Къ подробностямъ и разъясненію отчетовъ о сибирскихъ вѣнкахъ и депутаціяхъ при похоронахъ Тургенева, мы должны прибавить, что сначала предполагался одинъ вѣнокъ отъ „Восточнаго Обозрѣнія“, о чемъ было сдѣлано заявленіе распорядительнаго комитета, но за тѣмъ были получены телеграммы отъ редакцій „Сибирской Газеты“ и газеты „Сибирь“ о желаніи участвовать ихъ общимъ вѣнкомъ. Редакція „Восточнаго Обозрѣнія“ не сочла удобнымъ вѣдѣться изъ сибирской печати и потому вѣнокъ былъ заказанъ общій.

Депутація въ назначенный день и часть была на мѣстѣ. Въ порядкѣ процессіи вѣнокъ отъ сибирской печати помѣщался между иностранною печатью, вѣнкомъ „St.-Petersburg Zeitung“ и между вѣнкомъ польской газеты „Край“, такимъ образомъ онъ открывалъ шестіе областной и племенной литературы. Далѣе слѣдовали вѣнки отъ Кавказа, грузинскій и т. д.

Вѣнокъ восточныхъ сибиряковъ составился по подпискѣ по почину А. А. Кобычева, а затѣмъ принялъ участіе въ ней пріѣхавшій изъ Москвы А. А. Зензиновъ, благодаря которому подписка была увеличена. А. А. Зензиновъ, несмотря на болѣзнь, былъ самымъ дѣятельнымъ распорядителемъ, онъ заказалъ прекрасный вѣнокъ и участвовалъ въ депутаціи.

Въ „Восточномъ Обозрѣніи“ была высказана мысль о стипендіи въ память И. С. Тургенева при сибирскомъ университетѣ, послѣ чего появились пожертвованія частныхъ лицъ, у насъ опубликованныя. Объ этомъ мы сочли долгомъ сообщить въ г. Томскѣ. Ныѣ въ № 3 „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ мы нашли слѣдующій отвѣтъ.

„Редакторъ газеты „Восточное Обозрѣніе“, телеграфируетъ г. начальнику губерніи, 2 сентября: «Предложено стипендіи имени Тургенева при сибирскомъ университетѣ; начались пожертвованія.»

«Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ мысль почтить память великаго художника-писателя учрежденіемъ стипендіи его славнаго имени при сибирскомъ университетѣ. Съ полной увѣренностью, что сибиряки охотно отзовутся на призывъ своихъ земляковъ, проживающихъ въ Петербургѣ, мы, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, открываемъ при нашей редакціи приемъ пожертвованій на Тургеневскую стипендію. О каждомъ поступившемъ въ теченіе недѣли взносовъ мы будемъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе въ очередномъ номерѣ «Губернскихъ Вѣдомостей».

Нельзя не поблагодарить томскую администрацію въ лицѣ И. И. Красовскаго, за живое сочувствіе этому дѣлу. Голосъ сибирской печати въ другихъ мѣстахъ такъ мало принимается къ свѣдѣнію, что мы особенно дорожимъ примѣромъ этого просвѣщеннаго вниманія къ ней. Не знаемъ, отзовется ли на это дѣло Восточная Сибирь. Въ сочувствіи мѣстнаго общества мы не имѣемъ основанія сомнѣваться.

Намъ пишутъ: когда вѣсть о смерти Тургенева достигла г. Тобольска, 2 сентября, семинаристы тобольской духовной семинарии пожелали почтить память великаго писателя панихидой и чрезъ учителей передали ректору о своемъ желаніи. Но желаніе юношей признано было неудобносполнимымъ. Въ томской семинаріи за то была отслужена панихида по И. С. Тургеневу при участіи нѣтолько учащихся въ семинаріи, но и двухъ гимназій, причемъ ректоръ семинаріи, архимандритъ Акакій, сказалъ слово о покойномъ писателѣ. Чѣмъ объяснить разницу возрѣній этихъ двухъ семинарій на дѣятельность великаго русскаго писателя?

Во что обходится открытіе сибирскихъ злоупотребленій, примѣромъ можетъ служить дѣло съ молодымъ врачомъ докторомъ Путиловымъ въ Омскѣ. Заявленіе злоупотребленія, назначено свѣдѣствіе, завѣдующій госпиталемъ устраненъ, но въ концѣ, устраняется медицинскимъ начальствомъ и лицо, указавшее злоупотребленія, подлѣ предлагаемаго командировки. По этому поводу газета «Врачъ» говорить:

«Намъ сообщаютъ невѣроятное извѣстіе, будто бы д-ръ Путиловъ, заявившій о злоупотребленіяхъ въ омскомъ военномъ госпиталѣ, не только не возвращенъ до сихъ поръ на свою должность старшаго ординатора въ госпиталь, но даже былъ представленъ къ переводу въ другой округъ, а когда это представленіе не было уважено, то назначенъ врачомъ для «командировокъ». А вѣдь, де, самъ уйдеть отъ сибирскихъ «командировокъ»... Мы положительно отказываемся вѣрить этому слуху, ибо за возбужденіе вопроса о злоупотребленіяхъ мѣстное медицинское начальство можетъ быть только благодарно г. Путилову».

Намъ остается прибавить: въ Сибири нѣтъ ничего «невѣроятнаго». Мы получили подтвержденіе этого извѣстія. Г. Путиловъ, какъ сообщаютъ, прекрасный специалистъ и могъ быть болѣе всего пригоденъ при госпиталѣ, но такимъ то людямъ и не везеть.

Намъ пишутъ, что въ Омскѣ назначена свѣдѣственная коммиссія по дѣлу г. Ковсена, бывшаго начальнаго омскаго телеграфнаго округа. Предѣдатель коммиссіи Круссеровъ, члены омскій уѣздный судья Остапенко и исыккульскій Малишевскій. Дѣло въ вышней степени сложное, специально-техническое; объимаетъ уже 420 листовъ. Свѣдѣственная коммиссія учреждена по предложенію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Кромѣ Ковсена зачисляются: его помощникъ, главный механикъ и младшіе механики—всего шесть человекъ. Предметъ обвиненій—преступленія по должности. Главнымъ образомъ все вертится на ремонтѣ линий, на столбахъ.

«Церковно-Общественный Вѣстникъ», посвящающій вниманіе не первый разъ сибирскимъ вопросамъ, указываетъ въ № 128 не безосновательно одну изъ причинъ дурнаго состоянія сибирской администраціи, о чемъ нынѣ такъ много толкуется въ печати.

Въ статьѣ этой, разсматривающей какіе пущи Сибири дѣятели, отмѣчается разница между туземцами и пріѣзжими. По поводу этой статьи мы поговоримъ обстоятельно, а теперь приводимъ изъ нея слѣдующую характеристику пріѣзжихъ чиновниковъ.

«Что такое, спрашивается газета, русскій чиновникъ, отправляющійся на службу въ Сибирь, и какъ онъ смотритъ на предстоящее ему поле дѣятельности? Во-первыхъ, онъ считаетъ себя жертвою обстоятельствъ, винувшихъ его принять извѣстную должность,

субъектомъ, отправляющимся чуть не въ ссылку за неимѣніемъ ничего лучшаго подъ руками; во-вторыхъ, еще не выхвѣвъ изъ Петербурга, онъ уже расчитывается при первой возможности вернуться въ Россію, отряпяти отъ ногъ своихъ прахъ этой страны льда, каюты и нравственнаго ничтожества. Maximum своего пребыванія въ Сибири онъ полагаетъ казенные три года. Можно ли ожидать, что лицо, отправляющееся на службу съ такими возрѣніями, всецѣло посвятитъ себя дѣятельности на пользу молодого края, требующаго не только энергіи и знаній, но и души, и сердца. Конечно, нѣтъ. Данный субъектъ не сумѣетъ и не захочетъ ориентироваться въ мѣстности, куда его забросила судьба; онъ чувствуетъ себя чужакомъ въ новой средѣ, смотритъ на нее свысока и относится съ пренебреженіемъ, если не съ презрѣніемъ. Обязанности, принятыя на себя, онъ исполняетъ съ полнымъ равнодушіемъ, лишь бы ихъ сбыть съ рукъ долой; лишь бы начальство не находило запущенности въ дѣлахъ. Онъ не помышляетъ о результатѣ своихъ трудовъ, онъ временный гость, стремящійся вырваться изъ данныхъ условий и дѣйствительно, при первой возможности оставляетъ страну».

Нездоровится отъ этихъ похвалъ!

Изъ Иркутской хроники намъ сообщаютъ: Изъ тора переселенцевъ, слѣдующихъ на Амуръ, располосившагося на берегу Ушаковки, украдено восемь лошадей. Несчастныхъ, списывающихъ себя прощаніе хожденіемъ подлѣ окнами, постигло новое горе. Къ удивленію, въ Иркутскѣ не нашлось ни крѣпа для этихъ странниковъ ни человека, который бы указалъ имъ дорогу. Нашлись однако, добрые люди и составили въ пользу ихъ подписку на покупку лошадей.

Оттуда же пишутъ: Знаютъ ли тѣ, кому вѣдать надлежитъ, что одинъ изъ недавно назначенныхъ блюстителей порядка до сихъ поръ еще находится подлѣ отвѣтомъ за какой то фортель съ 11 или 12 тысячами чихъ то рублей?

Въ «Сибирскую Газету» пишутъ изъ Иркутска, что смерть Базанова перестала быть предметомъ всеобщаго вниманія и разговоровъ. Ее очень скоро замѣнилъ № 24 «Вост. Обзоръ», который разобралъ на расхвѣт и у всѣхъ теуерь на умѣ и языкѣ. Вѣдь у насъ жителямъ доподлинно извѣстно кому это «соболья шубка», и когда и за что. Нѣкоторые заинтересованныя лица, впрочемъ, собираются писать опроверженіе въ редакцію «Вост. Обзоръ» въ томъ смыслѣ, что газета искажила факты, что соболья шубка играла роль въ другомъ дѣлѣ, а въ этомъ фигурировали «два раза по 50 тысячъ» и фермуаръ».

Это поправка чисто сибирекаля. Шубка превратилась въ два раза по пятидесяти тысячъ и фермуаръ!

Намъ передавали, что въ надлежащихъ иркутскихъ сферахъ возбужденъ вопросъ о примѣненіи къ поселенцамъ, совершившимъ преступленія послѣ ссылки, Высочайшаго манифеста 15 мая сего года. Мотивомъ къ возбужденію этого вопроса послужило обстоятельство, что въ манифестѣ, при исчисленіи наказаній за преступленія, продаемыя манифестомъ, не упоминаются наказанія, предусмотрѣнные уставомъ о сѣмьныхъ, какъ то: плети, розги, отдача во временную заводскую работу и проч. На первый взглядъ какъ будто и правда, что манифестъ игнорировалъ поселенцевъ, но это только кажется такъ, потому во 1-хъ, что въ манифестѣ сказано, что всѣхъ лицъ, совершившихъ преступленія, за которыя опредѣлены такія наказанія, отъ наказанія освободити, и во 2-хъ, сейчасъ же за этимъ сказано, что милость эта не распространяется на лицъ совершившихъ такія то преступленія. Слѣдовательно, милость обусловлена не характеромъ наказанія, а характеромъ преступленія. По этому кажется совершенно ясно, что и поселенецъ, коль скоро совершилъ преступленіе такого рода, за которое полноправнымъ угрожаемо было одно изъ наказаній, перечисленныхъ въ ст. VII манифеста, долженъ воспользоваться милостью, если, конечно, онъ не совершилъ кражи, мошенничества, присвоенія и растрапы чужаго имущества и проч. Плети, розги, заводская работа и проч. для поселенца тоже, что для полноправныхъ: выговоры, штрафы и тюремное заключеніе, безъ ограниченія правъ. Впрочемъ, чѣмъ будетъ вырѣшенъ этотъ вопросъ, интересней для весьма многихъ, обсуждаемый въ пяти полицейскихъ управленіяхъ, постараемся сообщить. Интересно при этомъ знать: возбуждался ли этотъ вопросъ въ другихъ сибирскихъ губер-

нихъ, имѣющихъ также поселенцевъ, но не имѣющихъ совѣщательныхъ учреждений.

Печатающа эту замѣтку, мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ оговориться, что вопросъ о примѣненіи манифеста 15 мая къ поселенцамъ совершившимъ проступки, долженъ быть на основаніи XVI ст. того же манифеста, представленъ на разрѣшеніе правительствующаго сената.

Изъ Якутска пишутъ въ «Сибирскую Газету», что чернь жалуются на чиновниковъ. Прочитали, говорятъ, намъ манифестъ, а не растолковали хорошенько, кому и какую онъ даетъ льготу. Не дали намъ въ руки ни одного экземпляра. Мы бы и сами разжевали какъ-нибудь. Говорятъ только «подавайте прошеніе.» Подаемъ, а намъ ихъ десятками возвращаютъ съ краткимъ отвѣтомъ «не такъ написано.» А какъ писать,—не растолкуютъ, да еще марки помаруютъ, чтобъ ужъ больше не годились. Придешь къ нимъ въ правленіе, а они гавкаютъ, гавкаютъ на тебя, да просятъ за написаніе прошенія 5 р. Дешевле трехъ не пишутъ. Большіе-то чиновники не берутъ, а это мелочь-то и теребитъ. А гдѣ намъ взять три рубля, да еще марки? Не знаемъ, что и дѣлать.»

Въ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана записка о притѣвленіяхъ со стороны сибирскихъ старожиловъ—переселенцевъ. Записка эта представлена мировыми посредниками и разсылается губернской администраціей, какъ мы знаемъ, лицамъ компетентнымъ по переселенческому дѣлу. Такъ какъ вопросъ этотъ связанъ съ устройствомъ быта переселенцевъ то мы къ нему еще возвратимся.

Намъ доставленъ распорядителемъ при депутаціи восточныхъ сибиряковъ и сибирячекъ слѣдующій отчетъ о подпискѣ на вѣнокъ И. С. Тургенева. Приходъ. Собрано отъ сибиряковъ и сибирячекъ по подпискѣ 92 руб. Расходъ. Заплачено со счета въ вѣночный магазинъ г. Давендеа за вѣнокъ 75 р., расходъ по подпискѣ 8 р., заплачено артельщикамъ за пещеніе вѣнка до варш. вокзала 3 р., извозчика за 2 дня 6 р. Всего 92 руб.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Изъ Вѣрнаго (корресп. „Восточн. Обзор.“). 22 іюля киргизы китайскаго вѣдомства угнали у киргизъ нашей Курмановской волости съ мѣстности Уй-Карага 157 лошадей. Вслѣдъ за барантами погнались киргизы въ числѣ десяти человѣкъ. Власть наши сведись съ илійскимъ дзюнь-дзюнемъ о томъ, чтобы онъ внушилъ своимъ начальникамъ пограничныхъ постовъ нести наблюденіе за непроходомъ черезъ границу къ намъ партій барантачей и разыскивалъ бы съ этихъ начальниковъ за подобные угоны лошадей. Въ виду того, что поставлена въ той мѣстности почти двойная цѣль китайскихъ карауловъ, а между тѣмъ дайцинско-подданные киргизы совершили такую крупную баранту, можно заключить, что или китайскіе пикеты рѣшительно не несутъ никакого дозора или же потворствуютъ барантачамъ.

Иргизъ Тургайской области (корресп. „Восточн. Обзор.“). Давно ожидали мы проведенія телеграфной линіи, матеріалъ для которой были заготовлены въ прошлый годъ. Телефоны по дороговизнѣ были для немногихъ доступны; эстафетой отправлялись они въ Казалинскъ, а оттуда черезъ Чемкентъ, Вѣрное и Семипалатинскъ (въ Европейскую Россію), такъ что отправка 20-ти словной телеграммы въ Петербургъ стоила minimum 20 рублей. Наконецъ, дождался—линія проведена, станція устроена, аппараты поставлены, а приема депешъ нѣтъ, и по самой простой причинѣ—не хватило, говорятъ, столбовъ на двѣ версты,—господа инженеры-строители, измѣряя линію и приготавливая матеріалы, просчитались столбовъ на сорокъ! По прежнему сидимъ безъ телеграфнаго провода и заходимъ любоваться на новыя телеграфныя аппараты и телеграфистовъ. Еще цѣлый годъ придется намъ утѣшать себя надеждами и мечтать о телеграфныхъ столбахъ: Ужъ такова видна судьба наша! Пасху

и страстную недѣлю просидѣли безъ священника, служили сами, домашнимъ образомъ, и теперь будемъ слушать трескотню домашняго телеграфа, т. е. милыхъ барынъ.

Казалинскъ (корресп. „Восточн. Обзор.“). На-дняхъ двое важныхъ арестантовъ (киргизы), содержавшіеся въ тюрьмѣ, устроили подъ нарами подкопъ и бѣжали. Послѣ этого вѣдѣе арестованныхъ перевели на гауптвахту. Слѣдуетъ замѣтить, что зданіе тюрьмы было выстроено изъ сыроваго, необожженнаго кирпича; стѣну такого зданія не только легко подкопать, но даже возможно расковырять пальцемъ. Вообще, у насъ казенныя зданія отличаются курьезами. Такъ существуетъ у насъ пороховой складъ, довольно солидныхъ размѣровъ; складъ этотъ, какъ и слѣдуетъ, увѣнчанъ громоотводомъ, но желѣзная полоса, идущая отъ громоотвода внизъ для проведенія электричества въ землю, не доходитъ двухъ аршинъ до земли, такъ что громоотводъ только привлекаетъ электричество и способствуетъ его направленію не въ землю, а въ погребъ. Что за комики, право, наши гг. строители!!

Иркутскъ (корресп. „Восточн. Обзор.“). На-дняхъ, проходя по Толкучему рынку, я увидѣлъ наклеенное на одномъ столбѣ объявленіе. Оно гласило, что постановленіемъ городской управы такого-то ноября 1882 г. утверждена такса на печеный хлѣбъ: ржаной,— по 1½ к. фунтъ или по 60 к. пудъ, и пшеничный— по 3½ к. фунтъ или 1 р. 40 к. пудъ. Вѣроятно, для большей долговѣчности, такса эта была отпечатана на холстѣ; а то обстоятельство, что она до сего времени не снята, доказывала, что она считается дѣйствующею и теперь. И что же оказывается? ржаной хлѣбъ въ теченіи всей зимы не продавался дешевле 2 к., а теперь продается даже по 2½ к., пшеничный продавался и продается по 4 и по 5 к. Для чего же издана такса? Да просто для очистки совѣсти: кому то показалось, что хлѣбъ продается дорого. Ну, разумѣется, нужно принять «мѣры»: а какая «мѣра» въ этомъ случаѣ можетъ быть дѣйствительнѣе таксы? Управа, въ нормѣ своего усердія, забыла даже, что установленіе таксы на предметы продовольствія отвергнуто думой въ принципѣ и допущено только, какъ исключеніе, въ видѣ экстраординарной мѣры на чрезвычайные случаи; но и тутъ на установленіе таксы нужно испросить разрѣшеніе думы, чего управа не сдѣлала. Впрочемъ, можетъ быть, управа считала прошлогодній урожай чрезвычайнымъ случаемъ, по поводу котораго нужно принять особенныя мѣры. Управа забыла также, что издавать какія-нибудь правила можно только тогда, когда въ нихъ есть очевидная необходимость и когда притомъ есть и твердая воля, и средства заставить исполнять ихъ; иначе, они останутся только простыми доскутками писанной бумаги. Такъ случилось и съ этой мертворожденной таксой. Но не одна только такса оказывается мертворожденною. Лучшія намѣренія городской думы терпятъ полное фіаско, частью вслѣдствіе непрактичности мѣръ, принимаемыхъ для осуществленія этихъ намѣреній, частью вслѣдствіе апатіи исполнительныхъ органовъ. Обязательныя постановленія ея вердиктъ пишутся враскорю, безъ строгаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ, и потому въ исполненіи ихъ встрѣчаются затрудненія, а иногда они и просто игнорируются. Послѣднее случается даже и съ наиболѣе обдуман-ными и полезными постановленіями. Въ нынѣшнее лѣто переправа черезъ московскій перевозъ два раза прерывалась, потому что канатъ, на которомъ держится плашкоть, обрывался судами, шедшими съ нарушеніемъ порядка, установленнаго обязательнымъ постановленіемъ думы. Не знаю, обратила ли на этотъ фактъ вниманіе городская управа. Такъ какъ я уже спустился въ водныя пространства, то кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о пресловутомъ плаваніи г. Калистратова черезъ ангарскіе пороги. Плаваніе это вы-

ставляется как какой-то подвиг, и извѣстіе о томъ, что ангарскіе пороги проходимы,—какъ великое открытіе. Но развѣ они когда нибудь считались непроходимыми, особенно для такихъ скорлупокъ, какъ катеръ г. Калистратова? Вѣдь не далѣе, какъ въ 1875 г., Черезъ нихъ проплыли г. Чалбѣвъ и Алимовъ, и одинъ изъ нихъ написалъ увлекательное описаніе этого плаванія, напечатанное въ газетѣ „Сибирь“. Но и съ незапамятныхъ временъ внизъ по Ангарѣ ходили суда, и притомъ большія суда, сидѣвшія въ водѣ до 6 четвертей. Въ сороковыхъ годахъ, когда развивалась енисейская золотопромышленность, между Иркутскомъ и Енисейскомъ была даже оживленная торговля хлѣбомъ, который сплавлялся на судахъ по Ангарѣ. Вопросъ могъ быть не о проходимости пороговъ внизъ по теченію, а только о безопасности этого прохода; но и этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ прежде, и именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ рѣшенъ онъ и катеромъ г. Калистратова: плаваніе черезъ пороги безопасно, но только при хорошемъ лоцманѣ. Другое дѣло—вопросъ о томъ, возможно ли плаваніе черезъ пороги противъ теченія? Катеръ г. Калистратова еще не рѣшилъ этого вопроса. Но вѣдь водяной путь по Ангарѣ и Енисею, не далѣе, какъ восемьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ единственный возможный путь сообщенія между Западною Сибирью и Иркутскомъ; вѣншій московскій трактъ тогда или вовсе не существовалъ, или былъ еще очень дурно устроенъ. Даже и въ недавніе годы суда ходили вверхъ по Ангарѣ. Тутъ встрѣчается только одно противорѣчіе въ свѣдѣніяхъ—и какъ разъ въ отношеніи пороговъ. По однимъ свѣдѣніямъ, суда передъ порогами разгружались и проходили черезъ нихъ порожнякомъ, а грузъ перевозился сухимъ путемъ; по другимъ—суда и черезъ пороги переплывали съ грузомъ. Последніе доказываютъ это мнѣніе между прочимъ тѣмъ, что самые опасные для плаванія пороги, это Шаманскій и Долгій, но Ангара у этихъ, да и у вѣсѣхъ другихъ пороговъ, кромѣ Падуна, сжата съ обѣихъ сторонъ утесами, гдѣ выгружаться невозможно; только у Падуна дѣлая сторона Ангары представляетъ луговое пространство, удобное для выгрузки,—но Падунъ порогъ не опасный, и выгружаться для него не стоитъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о плаваніи черезъ пороги вверхъ по Ангарѣ,—единственный спорный вопросъ, требующій разрѣшенія, а тотъ фактъ, что пароходикъ г. Калистратова спустился черезъ пороги, еще не доказываетъ возможности подняться.

Иркутскъ понемногу обстраивается, но гораздо тише, чѣмъ въ прежніе годы. Безденежье и тутъ даетъ себя чувствовать. Каменные постройки производятся почти одними только казенными и общественными учреждениями; первое мѣсто между этими постройками занимаютъ—техническое училище по размѣрамъ, и зданіе отдѣла географическаго общества по красотѣ фасада; впрочемъ техническое училище еще не отстроено и о фасадѣ его судить нельзя. У частныхъ лицъ строится только одинъ новый каменный домъ и къ двумъ дѣлаются пристройки. Деревянныхъ домовъ строится больше, но почти все небольшихъ. Пустырей, даже неогороженныхъ, все еще много. Но страннѣе всего то, что до сихъ поръ остается неогороженнымъ мѣсто Трапезниковской школы, обладающей полутора-милліоннымъ капиталомъ; точно также до сихъ поръ не возобновлены тротуары на самомъ бойкомъ городскомъ мѣстѣ—у часовни Спасителя на Большой улицѣ. Къ чему же, послѣ этого, городскія учреждения заботятся объ изданіи обязательныхъ постановленій, если сами не хотятъ исполнять ихъ?

Минусинскъ (кор. Вост. Обозр.) Въ одномъ изъ номеровъ „Восточнаго Обозрѣнія“ за прошлый годъ, было отведено нѣсколько строкъ нашему полицейскому надзирателю Игнатову. Представьте себѣ беззащитное населеніе, осаждаемое ежедневно кражами, коно-

крадствомъ и т. п. насиліемъ со стороны тѣхъ подонковъ общества, кои приведены къ намъ подъ именемъ каторжныхъ и поселенцевъ—съ другой стороны всемогущаго полицейскаго—всегда почти занимающаго главную позицію, въ лагерѣ этой оравы, при атакахъ или протестѣ мирныхъ гражданъ, и вы получите болѣе определенное представленіе того удовольствія, которое получили здѣшніе граждане, когда они дождались фактическаго увольненія отъ службы квартальнаго И-а, считавшагося несмѣняемымъ полиціантомъ. Съ прїѣздомъ въ Минусинскъ губернатора Педашенко влѣдствіе поданныхъ жалобъ, Игнатовъ фактически уволенъ отъ службы, а съ тѣмъ вмѣстѣ, по опредѣленію слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, г. Максимовича, и по личному распоряженію губернатора, заключенъ въ тюремный замокъ наводившій здѣсь панику конокрадъ Поляковъ, за послѣднее время находившійся чуть не официально подлѣ протектораторствомъ квартальнаго И. и надзирателя слѣдователя Черныява. Обстоятельства обнаружили, что за Поляковымъ считается болѣе 20 томовъ дѣлъ уголовнаго характера, и Поляковъ разгуливалъ на свободѣ по неимѣнію будто бы прямыхъ уликъ въ преступленіяхъ. Мы, съ своей стороны, добавивъ одно—откажись безответный въ дѣлѣ преслѣдованія конокрадства, ограбленный Поляковымъ купецъ П. и не посѣти городъ губернаторъ Педашенко, Поляковъ занимался бы еще конокрадствомъ, Игнатовъ служилъ бы и вашимъ и нашимъ, а ограбленный купецъ получалъ бы на свои прошенія официальные отвѣты: „Домогательства его уважены быть не могутъ“.

А вотъ вамъ другой образчикъ дѣятельности какъ разъ противоположной вышеописанной. Въ одно прекрасное утро секретарь полицейскаго управленія Роговъ, исправляя въ іюлѣ мѣсяцъ должность окружнаго стряпчаго, повелѣлъ представить предъ собою еле двигающую ноги дряхлую 80-лѣтнюю старуху, минусинскую мѣщанку Фадѣву, находившуюся на излѣченіи въ больницѣ. На вопросъ: „ты кто такая?“ Фадѣва отвѣчала: „отказываются, батюшка, всѣ родные, говорятъ, что намъ тебя не надо, вотъ я на старости лѣтъ и пошла въ больницу полежать, авось прокормятъ, родной“. Неудовлетворившись такимъ отвѣтомъ, секретарь Роговъ началъ сердито выспрашивать приведенныхъ ее, какъ дряхлую, сторожей,—есть ли у нея родные; тѣ отвѣчали, что есть за 5 верстъ отъ города, въ дер. Малой Минусѣ братья Мельниковы. Немедленно пишется предписаніе старшинѣ Малой Минусы, о предъявленіи старухи Фадѣвой братьямъ Мельниковымъ. Старшина отразпортовался секретарю Рогову, что братья Мельниковы, отъ нея, Фадѣвой,—отреклись. На основаніи такого отзыва старшины, секретарь Роговъ, при отношеніи отъ 16 іюня препроводилъ Фадѣву въ острогъ, „какъ бродягу, неимѣющую письменнаго вида, а дѣло о ней передалъ для производства слѣдствія—г. Черныяву. Быть можетъ старушкѣ Фадѣвой пришлось бы помереть въ стѣнахъ тюрьмы безвинно, если бы не поступилъ къ и. д. окружнаго стряпчаго г. Люторовскій, который, разсмотрѣвъ дѣло, нашель: 1) что полицейское управленіе не сняло допроса съ обвиняемой въ бродяжествѣ, 2) что не составлено постановленія о препровожденіи Фадѣвой за безписьменность въ тюремный замокъ; 3) въ отчетности представленной за іюль мѣсяцъ, Фадѣва не показана въ числѣ содержащихся въ острогѣ, и 4) дѣло о Фадѣвой не записано въ настольный регистръ, а потому г. Люторовскій съчелъ необходимымъ тотчасъ же допросить лично Фадѣву о ея званіи и родѣ жизни. Оказалось, что она есть минусинская мѣщанка, помнитъ еще самое основаніе гор. Минусинска, что у нея есть родственники Василій Кузнецовъ и другіе, которые также подтвердили ея показаніе. Влѣдствіе этого Люторовскій сообщилъ минусинскому окруж-

ному полицейскому управленію, отъ 9-го августа за № 624 и 626, объ освобожденіи изъ острога Фадѣевой, какъ невинно заключенной, и о доставленіи ему свидѣній на основаніи какихъ данныхъ Фадѣева заключена въ тюрьму и было ли управленіемъ написано о такомъ заключеніи постановленіе. Вслѣдствіе такого требованія, постановленіе, сначала несуществовавшее, оказывается написаннымъ, хотя и не при дѣлѣ о Фадѣевой находится, но все же какъ будто написано тѣмъ же 16-мъ числомъ іюля, когда была отправлена Фадѣева въ острогъ. Дѣло въ настольный регистръ тоже оказалось записаннымъ, хотя порядокъ нумераціи ясно доказываетъ продѣлки секретаря Рогова и надзирателя Черныяева, но они, слѣдуя пословицѣ,—дѣлаютъ лучше поздно, чѣмъ никогда.

На основаніи всего этого должно сказать, что Минусинску что-то не везетъ. Только-что вступившій на мѣсто Игваратова надзиратель И., тоже успѣлъ заявить себя. Но объ этомъ до другого раза.

Томскъ (корресп. „Вост. Обозр.“) Пишу подъ впечатлѣніемъ только что разыгравшейся драмы на улицахъ города Томска. Въ часть дня я былъ около зданія Городской Думы; я не успѣлъ завернуть за уголъ, какъ раздался два выстрѣла одинъ за другимъ и нѣсколько спустя третій; поспѣшивъ къ мѣсту катастрофы, я увидѣлъ людей бѣжавшихъ стремглавъ, кто куда понало, а посреди улицы человѣка распростертаго во весь ростъ, лежащаго на лѣвый бокъ, который держалъ обѣими руками револьверъ системы Смитта и Вессона, къ которому однакожъ никто не осмѣливался подойти. Я подошелъ одинъ изъ первыхъ. Выстрѣлъ былъ направленъ въ правый високъ, пуля, сдѣлавъ большое отверстіе, изъ котораго кровь лила какъ изъ ведра, прошла черезъ всю мозговую систему, чѣмъ и объясняется моментальная смерть. Самоубійца былъ для всѣхъ загадочнымъ вновь прѣихавшимъ лицомъ. Онъ человѣкъ молодой, 27 лѣтъ, брюнетъ, одѣтъ хорошо. При обыскѣ нашли много паспортовъ и тому подобныхъ приспособленій. Происшествіе это произвело впечатлѣніе. Народъ толпился передъ полиціею почти весь день.

Такъ какъ любопытство жителей насчетъ смерти загадочной личности возбуждено, то ходятъ различныя слухи.

Говорятъ, неизвѣстный прибылъ на послѣднемъ пароходѣ въ Томскъ и остановился въ гостиницѣ Баранова. Утромъ онъ вышелъ изъ гостиницы, но на дорогѣ ему встрѣтился одинъ уголовный съсылный, узнавшій въ немъ личность подозрительную, которую зналъ раньше въ Кіевѣ, и отправился дать знать полиціи. Неизвѣстный затѣмъ снова возвратился въ квартиру, а потомъ вышелъ и направился въ переулокъ. За нимъ слѣдовалъ извозчикъ, котораго, неподозрѣвая ни чего, пробѣжій взялъ и велѣлъ ѣхать по большой улицѣ. Не доѣзжая зданія городской думы, извозчикъ круто повернулъ къ полиціи. Видя этотъ маневръ, неизвѣстный выстрѣлилъ два раза въ извозчика, но не причинивъ ему вреда, и затѣмъ сдѣлалъ выстрѣлъ въ себя. Говорятъ, что извозчикъ былъ подготовленъ наблюдать за прѣихавшимъ узнавшимъ его лицомъ. Называютъ и имя сдѣлавшаго открытіе и ожидающаго награды — вѣкто О—г—р—и—чь. Точно также говорятъ въ городѣ и фамилію неизвѣстнаго, какой-то Бычковъ. Слѣдствіе конечно выяснитъ личность.

Нѣсколько дней тому назадъ зарѣзался у себя на квартирѣ преподаватель нѣмецкаго языка въ здѣшней классической гимназіи Лохеръ. Причины приписываются интригамъ, которыми былъ окруженъ покойникъ.

Николаевскъ на Амурѣ. (корресп. „Восточн. Обозр.“) Въ корреспонденціи изъ Николаевска, напечатанной въ № 9 „Восточнаго Обозрѣнія“ за настоящій годъ, вкралась ошибка, что Августусъ ушелъ въ море подъ русскимъ флагомъ, ошибка эта произошла вѣроятно отъ того, что пароходъ Августусъ послѣ отливки изъ

него воды въ одно изъ раннихъ утрѣ неизвѣстно куда скрылся. Корреспондентъ, основываясь на предположеніяхъ, что серьезнаго поврежденія въ суднѣ нѣтъ, оснастка осталась полна, не могъ и предположить, что судно могло идти куда-либо кромѣ моря. Да такъ и подумало все николаевское общество; только черезъ недѣлю узнали, что судно уведено въ протоку Пальво выше Николаевска на 60 верстѣ, вѣроятно для того, что бы была ссылка на то, что поврежденіе очень серьезное, что въ море идти безъ поправокъ не было возможности. Но на этомъ то какъ разъ и ошибся Нэбель, г. Эдленъ, купившій судно, подалъ прошеніе, основанное на томъ, что онъ Августусомъ формально не владѣлъ, документы на перепродажу составлены неправильно, засвидѣтельствованы маklerомъ, служащимъ у Нэбеля г. Расторгуевымъ, который маklerскую контору имѣлъ въ той же конторѣ Нэбеля и всѣ документы составилъ въ пользу своего принципа Нэбеля и въ ущербъ ему Эдлену, а потому просить, что бы судно отдали ему обратно. Дѣло это уже въ окружномъ судѣ, и по распоряженію губернатора Августусъ задержанъ въ протоцѣ. Къ тому же сегодня прибылъ на морскомъ пароходѣ „Вайкаль“ баронъ Людорфъ, уполномоченный отъ всѣхъ иностранныхъ страховыхъ обществъ, понесшихъ убытки отъ Августуса. Наконецъ это темное дѣло всплываетъ на свѣтъ, благодаря печатному слову и мы, русскіе, подняли голову. Хотя многіе изъ насъ въ желательный исходъ не вѣрятъ, но для насъ и то пріятно, что дѣлу данъ ходъ и оно такъ или иначе, а покажетъ себя во всей красѣ.

Невѣріе наше происходитъ изъ того, что много было примѣровъ, гдѣ нѣмцы показали себя неуязвимыми. Не далеко взять фирму „Г. В. Дикманъ младшій“, наполняющую нынѣ газеты рекламами о сообщеніяхъ съ Амуромъ. Представитель этой фирмы, самъ г. Г. В. Дикманъ младшій былъ здѣсь не особенно давно и память объ немъ сохранилась, много дѣлъ по преимуществу темныхъ пердеблалъ Дикманъ и въ своей коммерціи добрался наконецъ до купца Буорова, силой и деньгами сдѣлалъ его несостоятельнымъ, посадилъ въ тюрьму, гдѣ несчастный Буоровъ и просидѣлъ два года, но когда дѣло повернулось въ пользу Буорова, то Дикманъ бѣжалъ, а фирму свою передалъ Кордесу, когда нужно было уѣхать отсюда Кордесу, то фирму передали Нэбелю и теперь вывѣска на магазинѣ гласитъ: „П. А. Нэбель (бывшій Дикманъ)“. Вѣроятно и теперь будетъ таже исторія, вѣсто „П. А. Нэбель“ поставитъ вывѣску „Мейнке Анзель и К^о.“, а въ скобкахъ напишутъ: бывшій Дикманъ — и дѣлу конецъ. Пароходъ „Джалинда“ принадлежитъ Ельцову, а капитаномъ нанимаетъ Нэбель; на пароходѣ „Шилка“ всему Амuru извѣстно, что капитаномъ ходитъ иностранецъ Генрихсенъ, а когда нужно идти въ какое нибудь присутственное мѣсто капитану, то является одинъ изъ пяти Ельцовыхъ. Видя, что творятъ здѣсь „иностранцы гости“, а въ особенности бывшая фирма „Дикманъ“ (да она же и настоящая, только подъ другой вывѣскою), поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: неужели въ средѣ русскихъ законовѣдовъ не найдется умнаго энергичнаго человѣка, который перехитрилъ бы иностранцевъ, знающихъ не такъ законы, какъ уловки, основанныя на законахъ, лучше русскихъ.

СИБИРСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

(Критико-библиографическое обозрѣніе).

Сибирская лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ Есиновской, по имени ея составителя Саввы Есинова, издана была Небольсинымъ въ 1849 году *). Еще раньше она была напечатана Спаскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ (1824 г. Спб.,

*) «Покореніе Сибири», соч. Небольсина. Спб. 1849 г. Приложенія.

ч. I-ой *). Разница между этими изданиями та, что въ изданіи Небольсина находится только 35 главъ лѣтописи, а въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 40 главъ, вмѣстѣ съ заключеніемъ, гдѣ авторъ объявляетъ свое имя и говоритъ объ источникахъ, которыми пользовался при составленіи своего труда.

Составитель этой лѣтописи—Савва Есиповъ. Время и мѣсто составленія ея указано самимъ авторомъ: „изложена бысть сія повѣсть, говоритъ онъ, въ Тобольскѣ градѣ въ лѣто 7145 сентября въ 1 день“, т. е. въ Тобольскѣ 1636 года 1-го Сентября **). Отмѣтимъ въ общихъ чертахъ содержаніе Есиповской лѣтописи. Въ началѣ ея находится „Сказаніе о Сибирской странѣ“: тутъ авторъ сообщаетъ кое-какія географическія свѣдѣнія о Сибири. Затѣмъ нѣсколько главъ (2—6) посвящено разсказамъ о сибирскихъ князьяхъ, о царѣ Кучумѣ и его вѣрѣ. Далѣе (7—24) идетъ рѣчь о приходѣ Ермака въ Сибирь, о сраженіяхъ его съ обитателями этой страны и о смерти его. При этомъ авторъ нисколько не упоминаетъ объ участіи Строгоновыхъ въ походѣ Ермака. Въ главахъ съ 25 по 34 говорится объ отступленіи въ Россію казаковъ, о появленіи въ Сибири прежнихъ татарскихъ владѣтелей, о приходѣ изъ Москвы въ Сибирь воеводъ, о сраженіяхъ ихъ съ сибирскими туземцами, о бѣгствѣ Кучума и объ основаніи городовъ Тюмени и Тобольска. Въ концѣ (гл. 35—40) лѣтопись содержитъ извѣстія объ учрежденіи сибирской епархіи, епископомъ которой въ 1621 году былъ назначенъ Кипріанъ, и о томъ, что этотъ архіепископъ собиралъ свѣдѣнія объ Ермаковомъ походѣ и велѣлъ внести въ синодикъ тобольской соборной церкви имена казаковъ, погибшихъ при завоеваніи Сибири. За послѣдней главой идетъ заключеніе, о содержаніи котораго мы выше упоминали ***). Между источниками, которыми Есиповъ пользовался при составленіи своего труда, была какаѣ-то Сибирская краткая лѣтопись; послѣднюю Есиповъ, по его словамъ, распространилъ. Кромѣ этого, нѣкоторые свѣдѣнія имъ пріобрѣтены отъ лицъ, знавшихъ что либо объ Ермакѣ и его походѣ; о событіяхъ послѣднихъ годовъ авторъ писалъ, какъ очевидно ****).

„Краткая сибирская лѣтопись“, извѣстная также подъ названіемъ Кунгурской, издана въ 1880 году археографической комиссіей. Составленіе этой лѣтописи принадлежитъ тобольскому сыну боярскому, Семену Ремезову, имя котораго помѣщено въ концѣ лѣтописнаго текста. Ремезовъ еще извѣстенъ, какъ составитель чертежной книги, или географическаго атласа Сибири, который изданъ въ видѣ факсимиле, также археографической комиссіей. Когда составлена „Краткая сибирская лѣтопись“, сказать точно нельзя. Намъ только извѣстно, что Семень Ремезовъ, со своими сыновьями, въ концѣ XVII вѣка, занимался сибирской картографіей. Чертежныя работы занимали Ремезова въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1695 году онъ представилъ въ Сибирскій приказъ

карту Сибири. Затѣмъ на него было возложено порученіе свести въ одно цѣлое всѣ присылаемыя изъ Сибири карты, и онъ исполнилъ эту работу. Въ 1698 году Ремезовъ подалъ новый свой трудъ думному дяку Сибирскаго приказа, Андрею Андреевичу Виніюсу, и „за работу, милостію великаго государя, пожалованъ выходомъ и пять рублевъ денегъ“. Продолжая и затѣмъ, по приказанію Виніюса, свои картографическія работы уже въ Тобольскѣ, Семень Ремезовъ при помощи своихъ сыновей, къ 1 января 1701 года начертилъ атласъ Сибири, сохранившійся до нашего времени и теперь изданный *). Такимъ образомъ, мы только знаемъ, что Ремезовъ съ 1695 до 1701 года исполнялъ преимущественно картографическія работы. Поэтому можно предполагать, что лѣтопись составлена имъ или до 1695 года, или въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, такъ-какъ, занимаясь картографіей, Ремезовъ едва ли имѣлъ время тогда же составлять лѣтопись. При лѣтописи Ремезова находятся старинные рисунки, которые служатъ иллюстраціями къ лѣтописному тексту.

Ремезовъ, описывая походъ Ермака, начинаетъ свой разсказъ съ 1577 года и продолжаетъ описывать дальнѣйшія событія до 1598 года, когда умеръ Кучумъ. Затѣмъ въ статьѣ 135-ой говоритъ объ установленіи, при архіепископѣ Нектаріи (1636—1640), церковнаго обычая — провозглашать вѣчную память Ермаку и его дружинѣ; далѣе, съ 136 статьи и до конца, въ его лѣтописи излагаются разные правоучительныя разсужденія по поводу великаго событія, завоеванія Ермакомъ Сибирскаго царства.

Ремезовъ, судя по лѣтописи, обладалъ большою начитанностію; кромѣ того, онъ, какъ это объяснено въ его примѣчаніяхъ въ атласѣ Сибири, собиралъ разнообразныя извѣстія объ этой странѣ отъ сибирскихъ жителей, какъ русскихъ, такъ и инородцев **). Отсюда объясняется стараніе Ремезова, какъ человѣка, обладавшаго разнаго рода свѣдѣніями, внести въ свой литературный трудъ какъ можно больше подробностей, хотя невѣрныхъ и даже баснословныхъ. И мы находимъ, что его лѣтопись составлена на основаніи довольно разнообразныхъ источниковъ. Ремезовъ пользовался, безъ сомнѣнія, какою нибудь сибирскою лѣтописью, такъ-какъ нельзя же допустить, что подробная, хотя и ошибочная хронологія лѣтописи приведена Ремезовымъ произвольно: непременно онъ заимствовалъ хронологическія данныя изъ какой нибудь сибирской лѣтописи. Затѣмъ, Ремезовъ внесъ въ лѣтопись довольно много разныхъ легендъ и преданій объ Ермакѣ и его походѣ въ Сибирь. Эти легенды и преданія заимствованы имъ какъ отъ русскихъ, такъ и отъ туземцевъ-инородцевъ. Къ такой легендарной части лѣтописи относится, на примѣръ, разсказъ о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ, которыя предвѣщали татарамъ завоеваніе Сибирскаго царства русскими (статьи 18—21), разсказъ о кончинѣ Ермака и о чудесахъ, происходившихъ отъ его тѣла, одежды и могилы (статьи 111, 113 и 118). Съ 136 статьи и до конца лѣтописи, Ремезовъ излагаетъ, вмѣстѣ съ примѣрами, разные благочестивыя и правоучительныя разсужденія, принадлежащія или его собственной изобрѣтательности, или взятія имъ изъ книгъ священнаго писанія, изъ хронографовъ (древнихъ ви-

*) Лѣтопись Есипова издана Спасскимъ также отдѣльно подъ заглавіемъ „Сибирская лѣтопись Саввы Есипова“, Спб. 1824 г.

**) „Сиб. Вѣстн.“ 1824 г. Спб., стр. 173. По другимъ вариантамъ лѣтописнаго текста, „Сентября въ 5 день“ — Н. М. Карамзинъ, „Ист. Гос. Рос.“, т. IX., примѣч. 644.

***) Въ Есиповской лѣтописи, по изданію Спасскаго, находятся еще извѣстія о нѣкоторыхъ сибирскихъ архіепископахъ, внесенныхъ въ лѣтописный текстъ послѣ 1636 года, когда составлена была эта лѣтопись.

****) „Сиб. Вѣстн.“ 1824 г. Спб., ч. I. Есип. лѣт., стр. 173.

*) „Чертежная книга Сибири“. Спб. 1882 г., предисловіе.

**) Приложение къ „Чертежной книгѣ Сибири“, Спб. 1882, стр. 3, 7, 8.

завтійскихъ всеобщихъ исторій въ русской редакціи) и изъ русскихъ лѣтописей. Такъ онъ разсуждаетъ, что въ сраженіяхъ съ непріателемъ болѣе слѣдуетъ надѣяться на чудесную помощь отъ Бога, чѣмъ на войско и оружіе; это разсужденіе подкрѣпляется примѣрами изъ русской, византійской и персидской исторій (статьи 140—147). Въ статьѣ 150-й онъ говоритъ о загробномъ воздаяніи, ожидающемъ воина, убитаго въ сраженіи: если этотъ воинъ—христіанинъ, онъ переходитъ „съ коня да въ рай“; если же онъ—„бусурманъ“, то демоны берутъ его „съ коня да во адъ къ своему сатанѣ“.

Какъ источникъ для сибирской исторіи, лѣтопись эта не можетъ быть названа важной. Хотя она довольно подробно на въ изложеніи фактовъ похода Ермака, однако пользоваться ею необходимо съ большою осторожностію, такъ какъ авторъ въ значительной степени слѣдовалъ въ своемъ изложеніи русскимъ и инородческимъ легендамъ и преданіямъ. Впрочемъ, въ этой лѣтописи есть нѣкоторыя особенности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, на примѣръ, довольно подробная хронологія, хотя и перепутанная; затѣмъ особенность въ извѣстіи о походѣ Ермака. Инициативу этого похода авторъ приписываетъ Ермаку съ товарищами. М. Строгоновъ, по этой лѣтописи, игралъ роль невольнаго поставщика припасовъ и оружія для дружины Ермаковой: въ виду энергическаго требованія и даже угрозъ со стороны Ивана Кольцо и самого Ермака, Строгоновъ принужденъ былъ доставить казакамъ все необходимое для похода.

ВОКРУГЪ СВѢТА.

Экспедиція Г. Н. Потанина.

(Продолженіе).

Когда мы посѣтили въ Плимутѣ выставку, мы нашли здѣсь три или четыре картины, изображающія набережную, на которую мы вышли, плимутскіе художники представили ее утромъ и вечеромъ и во время рыбной ярмарки и въ пустую пору. По утрамъ здѣсь кажется ежедневно происходить продажа рыбы съ рыбачьихъ судовъ, которыя во множествѣ стоятъ въ бухтѣ противъ нея. Намъ не случилось ни разу попасть на набережную въ эту пору дня, но одна изъ картинъ на выставкѣ познакомила насъ съ этимъ зрѣлищемъ. Узкая набережная, которую стѣняютъ съ одной стороны дома, съ другой суда, заставлена ручными телѣжками и возами запряженными лошадьми и ослами; на первомъ планѣ лежатъ огромныя три рыбины съ розовымъ тѣломъ, которое видно на разрѣзахъ; продавцы и торговки смѣшались въ одной толпѣ съ чистоодѣтыми покупателями, нагружающими свои корзинки. Изнутри толпы растетъ пирамида боченковъ, которую строятъ на возу молодой извозчикъ. Когда мы вышли на берегъ, здѣсь не было такъ людно, какъ на картинѣ, но сами камни мостовой такъ пропитались запахомъ рыбы, что казалось, мы идемъ мимо Андреевскаго рынка на Васильевскомъ островѣ. Иногда и вечеромъ мы здѣсь находили продавщицъ гребешковъ и краббовъ. Оригинальную картину для насъ представляли здѣсь дѣти, особенно дѣвочки; одѣтыя по барски въ шляпкахъ съ фартучками, онѣ имѣли перепачканныя ли-

чки и изодранныя платьица, такъ что походили на барышню въ лохмотьяхъ. Въ первые дни женщины, попадавшіяся намъ на улицахъ, казались намъ всѣ красавицами; потомъ, я, по крайней мѣрѣ, убѣдился, что это происходило оттого, что мы все не сходили съ главныхъ улицъ, куда сбѣгаются красавицы можетъ быть со всего города. Лучшія улицы города Bedfordstr., St. George Str. и Union Str. Магазины многочисленны и шикарно убраны; торговля громаднa! Лавки завалены товарами и товары лѣзутъ на улицу; ремни, ботинки, сабъ-вожжи, висятъ надъ дверями въ видѣ гирляндъ; ситцы и матеріи, нагроможденные въ самыхъ дверяхъ и даже у дверей съ улицы, суживаютъ входъ въ лавку; лавку какъ будто кто-то началъ выворачивать, какъ выворачиваютъ чулокъ на-изнанку. Мармеладъ, чай, манная крупа, орѣхи, напаны на окнахъ, какъ въ аптекахъ; всякій сортъ товара непременно выставленъ и просится въ карманъ проходящаго. Самый послѣдній товаришка и тотъ лѣзетъ въ окно; лецинные орѣхи, и тѣ фигурируютъ на первомъ планѣ. Нѣтъ ни одной вещи, которая бы оставалась въ задней части лавки, въ сознаниіи собственного достоинства, дескать, меня и въ темномъ углу найдутъ, если кому понадобится. Теперь уже одиннадцатый день живемъ въ Плимутѣ, побывали въ городѣ не разъ, видѣли Атенеумъ съ художественной выставкой въ немъ и музеемъ; желѣзную дорогу, проходящую по городу, на высотѣ 2-го этажа, и поѣздъ, пролетающій надъ улицей; заплатили въ первый разъ въ жизни мостовую пошлину.

На дняхъ совершили поѣздку въ городъ Праймтоунъ (Prime-Town), гдѣ находится одна изъ лучшихъ тюремъ Соединеннаго Королевства. Мѣстность, по которой проходитъ дорога, считается живописной. Она холмиста; дорога иногда взбирается на плоскіе холмы, откуда открываются обширные виды на плоскіе скаты, покрытые камнями; тамъ, сямъ видны коттеджи, церкви, желѣзнодорожные мосты и др. постройки; вьется дымокъ паровоза. Сначала все пространство влѣво и вправо отъ дороги было воздѣлано; скаты разбиты на правильные четырехугольники, треугольники или трапеціи, отличающіяся своимъ цвѣтомъ по роду хлѣба и отгороженныя изгородями, т. е. стѣнками, на которыхъ вырощены кустарники, орѣшникъ и др. Ближе къ Прайм-тоуну появились обширныя верещаги или болота, заросшія верескомъ или папоротникомъ и занимающія самую возвышенную часть холмовъ. Лѣсу настоящаго нѣтъ; группы деревьевъ виднѣются то тамъ, то тутъ, но это сады или парки. Первая часть дороги была восхитительна, потому что проходила по населенной мѣстности; мимо насъ мелкали деревенскіе домики, деревенскіе отели, кузицы, загородные дома; а между ними сады или аллеи изъ могучихъ дубовъ, кленовъ, ясеней и пр. Вторая половина дороги, напротивъ, была пустынище, но отсюда открывался обширный видъ назадъ до самаго взморья, такъ что было видно плимутскій рейдъ съ кораблями.

Городокъ Праймтоунъ имѣетъ не болѣе 20 домовъ; всего одна улица, въ одномъ концѣ которой отель: Duchy-hotel, въ другомъ на лѣвой сторонѣ церковь, на правой тюрьма. Улица шоссевана; по бокамъ широкіе троттуары; мостовая чисто выметена; вообще городокъ, или по нашему бы погостъ, очень чистенькій; въ домахъ въ нижнихъ этажахъ видны магазины на одномъ домѣ по всей стѣнѣ разнесена надпись: Dug-

per, "grosgrand tea dealer" Мы остановились у самого въезда, въ "Отели княгини". Три ступени вели на широкое крыльцо, украшенное двумя массивными колоннами; входимъ черезъ дверь въ просторный корридоръ, посрединѣ котораго вмѣсто люстры подѣшены куски свѣжаго мяса. Таковъ здѣсь обычай, чтобъ закусающіе видѣли качество продуктовъ. Позавтраковавъ, насъ повели на другой конецъ улицы, въ тюрьму. Тюремъ издали походила на большую фабрику, высочившуюся съ вѣтвямъ, ограждающихъ дворъ. Съ улицы передній фасъ двора занятъ красивымъ флигелемъ для служашихъ чиновъ въ родѣ того, какъ въ Томскѣ у арестантскихъ ротъ. Въ корпусѣ самой тюрьмы (то же есть что то, напоминающее томскія арестантскія роты). Внутри намъ показали: католическую церковь, лютеранскую церковь, комнату, въ которой принимаютъ арестантовъ, кухню, пекарню, кладовую для кандаловъ и наручней, одну изъ келій, въ какихъ содержатся узники, и наконецъ карцеры, изъ которыхъ одни, за легкіе проступки, свѣтлые, другіе темные для строптивыхъ; въ послѣднихъ окно заставлено желѣзной доской съ отверстіями, какъ въ рѣшетѣ. Въ свѣтлыхъ карцерахъ узникъ долженъ двигать внизъ и вверхъ рычагъ; если онъ не унимается, число движеній назначается въ большемъ количествѣ въ день и доходитъ наконецъ до 15,000. Чистота въ дворахъ и въ корридорахъ образцовая; пища превосходная; человѣку дается супъ, кусокъ мяса больше ладони, три хлѣбца въ день величиною съ просфиру и какао вечеромъ. Но дворы голы, ни одного деревца гдѣ приходится чуять узникамъ, при чемъ они ходятъ за спиной другъ друга по обрѣдѣннымъ ливнямъ молча; въ кельяхъ огня выше человѣческаго роста; музыка не допускается. Церковь также имѣетъ каземтный видъ. Корпуса для келій построены въ видѣ корабля; въ серединѣ корридоръ освѣщающійся сверху; по бокамъ корридора идутъ келии въ два этажа; въ келии нижняго этажа входъ съ полу корридора; въ келии верхняго этажа входъ съ галлерей, идущихъ по обѣимъ сторонамъ корридора; вдоль корридора наставлены желѣзныя печи, трубы которыхъ уходятъ въ конецъ здания; въ этомъ корридорѣ стригутъ и брѣютъ узниковъ. Келии освѣщаются газомъ, розжкомъ, который входитъ въ глубокую трубообразную горизонтальную нишу въ простѣнокъ, концы ниши развѣтвляются; одна вѣтвь открывается въ лѣвую камеру, другая въ правую; отверстие забрано листомъ слюды или матового стекла, и ось вѣтви такъ направлена, что изъ камеры въ корридоръ не видно. Въ камерѣ въ углу—столикъ и табуретъ; столикъ покрытъ скатертью, на немъ книги и аспидная доска, въ углу двѣ полки, на нихъ щетка и кака-то другая утварь, тутъ же тазикъ и кувшинъ съ водой; постель, свернутая въ свитокъ, стянута ремнемъ и подвѣшена къ стѣнѣ. Если арестантъ желаетъ видѣть ключника, онъ выдвигаетъ въ корридоръ красную дощечку, двигающуюся въ отверстіи, сдѣланномъ въ двери и имѣющую видъ телеграфнаго знака. Постель состоитъ изъ тюфяка и шерстянаго одеяла.

Дорога въ Праймтоунъ отъ Плимута идетъ въ гору и Праймтоунъ стоитъ значительно выше Плимута.

Въ Плимутѣ есть Академія; подобно учрежденію я рекомендовалъ бы вниманію сибиряковъ, соорудителей музея въ это зданіе въ дорическомъ вкусѣ; снаружи оно имѣетъ портикъ, внутри состоитъ изъ 3 залъ, въ одной постав-

лены скамьи, здѣсь бываютъ чтенія и уроки рисованья, въ другой залѣ выставка художественныхъ произведеній, въ третьей—музей. Въ октябрѣ обыкновенно начинаются чтенія; въ нынѣшнемъ году будетъ, наприм., 5 лекцій о солнцѣ, лунѣ, планетахъ и вѣтвяхъ. Выставка состоитъ изъ картинъ мѣстныхъ художниковъ, есть, впрочемъ картины не мѣстнаго содержанія: „Улида въ Канрѣ“, „Рыбный рынокъ въ Римѣ“ и др. Большая же часть посвящена своимъ роднымъ мѣстамъ „Сѣрое утро“ (Набережная Барбикенъ), „Сезонъ макрелей“, „Лунный свѣтъ“ (улица въ Плимутѣ), „Мѣсяць май“ (долина р. Лаиры близъ Плимута), „Вечеръ“ (на сѣвер. берегу Девона), „Старый домъ въ Плимутѣ“. Послѣдній изображенъ въ двухъ картинахъ. Картины не столь интересны по техникѣ, сколько по содержанію, онѣ знакомятъ съ особенностями природы и жизни. Такъ, напр., какъ оригинальна картина, изображающая сезонъ ловли макрелей! Плоскій берегъ почти во всю картину и только у лѣвой рамы уцѣпляется въ скалы, отливъ обнажилъ его на далекое пространство и позволилъ на телегахъ выѣхать далеко по мокрой грязи. Вы видите вдали рядъ телегъ и людей, протянувшийся вдоль картины, а за ними на нѣкоторомъ разстояніи другой рядъ, но изъ полостей судовъ подъ парусами. Такія картины особенно имѣли бы смыслъ приобретать иностранцами, такъ какъ онѣ, если не имѣютъ технического достоинства, то знакомятъ съ чуждой природой и незнакомыми формами жизни. Утро послѣ крушенія, матросъ на обломкахъ карабля, съ тоской смотрящій на пароходъ въ туманной дали, судно, гонимое вѣтромъ къ опасному берегу, хотя оно уцѣпилось за дно якоремъ, и разные другіе новыя для континентальнаго жителя моменты.

Музей, помѣщающійся въ томъ же домѣ, состоитъ изъ одной залы съ хорами; здѣсь въ витринахъ помѣщаются образцы горныхъ породъ, кристаллизации известковаго и другихъ шпатовъ, самородная сѣра, много скелетовъ и череповъ животныхъ, челюсти акулы, чучела птицъ мѣстныхъ и тропическихъ, очень много колоссальныхъ раковъ и крабовъ, а также чудныхъ морскихъ рыбъ и скатовъ, раковинъ, бабочекъ, жуковъ, окаменѣлостей и пр. Нѣсколько витринъ содержатъ мѣстныя и чужеземныя орудія каменнаго вѣка; одна витрина содержитъ орудія изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи; есть каменные орудія изъ Египта; римскія древности, выкопанныя въ окрестностяхъ Плимута. По отдѣлу этнографіи немного, большею частью изъ отдаленной Полинезіи, пики, гарпуны и щиты съ острова Фиджи, до 5 годовъ татуированныхъ съ Новой Зеландіи. — Въ первой и второй залѣ по угламъ и подлѣ стѣвъ поставлены на пьедесталахъ копіи съ антическихъ Венеры медиційской, Атинной, и другихъ. — Третьяго дня одинъ лейтенантъ свозилъ меня въ шлюбку на сосѣдній берегъ, чтобъ воспользоваться отливомъ, берега крутые, и сборъ не могъ быть богатъ, но для перваго раза было очень интересно. Мы пристали къ устью оврага, вѣзаннаго въ утесъ изъ сланцевъ; подолъ утеса былъ покрытъ водорослями, которые кистями и въ видѣ плетей висѣли на немъ, какъ жгуты на подолѣ шаманскаго плаща. Тутъ мы нашли нѣсколько крабовъ, потѣшно бѣгающихъ въ бокъ, рака—отшельника, двѣ крошечныя морскія звѣзды и много ракушекъ.

Послѣ этого письма получено двѣ телеграммы изъ Гибралтара. Одна извѣщаетъ, что фрегатъ „Мининъ“ благополучно прибылъ въ Гибралтаръ 25-го сентября.

Другая изъ Лондона добавляетъ: „Агентству Рейтера“ телеграфируютъ изъ Гибралтара отъ 28 числа, что русскій

броненосецъ „Мининъ“ потерялъ во время урагана поврежденіе. И такъ путешественники наши благополучно прибыли въ Гибралтаръ, но на пути вѣроятно въ Вискайскомъ заливѣ выдержали бурю.

СИБИРСКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

Чувства Сибиряка послѣ похоронъ Тургенева. — Сибирячка и молодое поколѣніе Сибири. — Тобольская семинарія и отлученіе ея Тургенева. — Пробуждающаяся жизнь. — Мѣсто молодежи! — Исповѣдь юности. — Его красавица. — Первая иллюзія и первое разочарованіе. — Дорогой двѣтокъ,

Похороны Тургенева вызвали особыя чувства среди образованнаго общества Россіи. Эти похороны затронули наибольшія струны въ нашей интеллигенціи, они соединили людей разныхъ лагерей, возрастовъ, соединили два поколѣнія, доселѣ смотрѣвшія другъ на друга неприязненно, привлекли всѣхъ, къ поклоняется идеѣ добра и свѣта.

Будучи свидѣтелями этихъ похоронъ, смотря на блестящую процессію съ сотнями огромныхъ пестрыхъ вѣнковъ, съ развѣвающимися хоругвями, съ сотнями юношей и студентоу, идущихъ съ пѣнемъ за гробомъ, окруженныхъ толпой въ сто слишкомъ тысячъ народа, можно было видѣть триумфъ писателя и „триумфъ литературы“, если бы рядомъ не шли грустныя мысли о судьбѣ этого писателя.

Вѣдь если въ Европейской Россіи, въ столицѣ ея, уваженіе къ литературѣ и писателю только что нарождается, пробиваетъ себѣ дорогу, (вѣдь это вторые величественные похороны послѣ Достоевскаго), то что же сказать о насъ, о Сибири, о ея литературныхъ входахъ. Нужна ли намъ литература? Гдѣ связь сибирскаго писателя съ обществомъ, совершится ли когда нибудь этотъ союзъ? И я смотрѣлъ тоскливо въ невѣдомую даль и глубокая тоска охватывала душу. Я вспомнилъ какая идетъ въ Сибири трагія, какъ гонится печатъ въ лицѣ юности и въ лицѣ „сѣдыхъ бородъ“ (типичное выраженіе одного изъ сибирскихъ Угрюмъ-Бурчевыхъ).

Ахъ, какъ надоѣло устремлять взоръ только въ это безотрадное море безобразій, въ это черное пятно! Какъ надоѣли всѣ эти „гамадрилы“, „навозные“, всѣ эти самодурничающіе цивилизаторы, всѣ эти двухпрогонные, какъ надоѣлъ мнѣ Кондрать! Неужели нѣтъ ничего на моей родинѣ болѣе угѣбительнаго?

Въ эту минуту глубокой грусти и раздумья, когда я думалъ о судьбѣ писателей, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ похоронъ Тургенева мнѣ было подано письмо въ редакцію отъ неизвѣстной особы. Вотъ это письмо:

Милостивый государь!

На страницахъ вашего уважаемаго журнала, стоящаго на стражѣ интересовъ моей родины, хотѣла бы я поговорить о понсенной нами, міровой утратѣ. Много говорилось о покойномъ Иванѣ Сергѣевичѣ, такъ много, что новаго уже никто ничего не скажетъ, а тѣмъ болѣе я, замуванная въ узенькомъ кругѣ интересовъ насущнаго хлѣба, стоящая въ створѣхъ отъ всѣхъ партій, рвущихъ къ себѣ дорогой прахъ съ возгласами: „онъ нашъ, онъ нашъ, онъ нашъ!“ Я просто хочу вылить въ этомъ письмѣ все, что накопило на сердцѣ. Европа оцѣнила въ немъ художника и преклонилась передъ

его нравственнымъ обликомъ; она назвала его „гениемъ человечества“ и наслаждалась, любовалась картинами, созданными его могучею кистью, какъ обезпеченный, удовлетворенный человекъ любитъ красивымъ пейзажемъ. Но русскіе люди, а въ особенности мы, русскія женщины, мы потеряли въ немъ не только источникъ наслажденія, но и источникъ добра, къ которому жадно припадали въ дни нашей юности. Онъ былъ нашимъ учителемъ и его идеалы вошли въ нашу плоть и кровь; мы донесли ихъ до старости, проводя, какъ умѣли, въ жизнь и не измѣнимъ имъ до могилы. Не принесемъ мы ему сотенъ рублей на памятникъ, не принесемъ, потому что не имѣемъ ихъ, а не имѣемъ, потому что онъ самъ научилъ насъ той нравственной опрятности, которая заставила гнущаться погоней за наживой, рѣдко идущей объ руку съ нравственнымъ идеаломъ; но никто не поклонится могилѣ его съ такой горячей любовью, никто не заплачетъ надъ нимъ съ такимъ искреннимъ горемъ въ душѣ, какъ сдѣлаемъ это мы, русскія женщины его времени; онъ пожалѣлъ, приглубилъ насъ, освѣтилъ намъ путь и завѣщаль идти по немъ неуклонно. И мы пойдемъ, какъ бы ни былъ тернистъ этотъ путь, пойдемъ, какъ шли до сихъ поръ, не вой, не жалуюсь. Пусть болитъ голова отъ заботъ и думъ, пусть утомленные работой руки настойчиво просятъ отдыха въ борьбѣ и погонѣ за „своимъ“ хлѣбомъ; пусть и самый хлѣбъ этотъ будетъ горекъ и черствъ, — женщина, воспитавшаяся на идеалахъ г. Тургенева, не промѣняетъ его на сытый подножный коръ; и не потому дорожитъ она имъ, что онъ „свой“, а потому что приправой къ нему является „идея“, завѣщанная дорогимъ покойникомъ, идея свободы, труда и самостоятельности. И особенно ярко свѣтятся эта идея теперь, въ окружившихъ насъ, безпросвѣтныхъ сумеркахъ. Если и блеснутъ двѣ, три искры, то этотъ мгновенный періодическій свѣтъ, озаряетъ только гниль и муть окружающаго. Душа изболѣла, мозгъ отупѣлъ въ мелочахъ, отдохнуть не на чемъ.

Не во время умеръ онъ, проповѣдникъ добра и мира, хоть на время смягчалъ его кроткое слово нашъ озлобленный умъ, какъ душевная, могучая музыка Шопена смягчалъ страданія нервно больнаго. Онъ именно „на высѣхъ“ творилъ миръ, какъ сказалъ Ренанъ, играя свою „пѣснь торжествующей любви“ на самыхъ тонкихъ, самыхъ высокихъ струнахъ человеческого сердца, онъ во врагахъ видѣлъ людей и могъ бы сказать намъ: „простите имъ, не вѣдать бо что творятъ“.

Слава ему, показавшему намъ свѣтъ! Миръ его праху!

Сибирячка.

Такъ вотъ кто сочувствуетъ Тургеневу! Это письмо полное простоты и искренняго чувства произвело на меня, признаться, гораздо болѣе впечатлѣнія, чѣмъ масса громкихъ искусственныхъ высокопарныхъ сличей, чѣмъ масса риторическихъ статей съ литературнымъ краснорѣчіемъ. Это чистая слезинка, изъ бѣднаго сердца упавшая на гробъ писателя глубоко тронула меня, она показываетъ какія скрытыя привязанности, какія чувства таились между писателемъ и читателемъ. „Слава показанному намъ свѣту!“ Такъ вотъ она, зародившаяся солидарность съ писателемъ, невидимая таинственная и прочная! Вотъ кому онъ былъ близокъ и кому служилъ утѣшеніемъ, не мы одни пожившіе, переживавшіе его время, чувствуемъ солидарность съ покойникомъ,—оно тронуло и молодыхъ сердца.

Молодые учащіяся поколѣнія въ дальнихъ городахъ мой родины также желали почитать память великаго писателя. Къ сожалѣнію не вездѣ это удавалось. Когда вѣсть о смерти Тургенева достигла Тобольска, 2-го сентября, семинаристы тобольской духовной семинаріи пожелали отслужить панихиду по Ивану Сергѣевичу Тургеневу и чрезъ учителей передали ректору о своемъ желаніи. Но желаніе семинаристовъ признано было „неудобоисполнимымъ“.

Что хотѣла сказать этимъ тобольская семинарія, что отказывалъ Тургеневу въ христіанскомъ поминовеніи, она не признаетъ его христіаниномъ? Но вѣдь въ подобной же семинаріи въ Томскѣ была отслужена панихида въ присутствіи учащихся и ректоръ семинаріи сказалъ слово, при похоронахъ Тургенева въ Петербургѣ участвуетъ высшее духовенство, почему одна тобольская семинарія должна составлять исключеніе? Но можетъ быть тобольская семинарія захотѣла выразить, что она не признаетъ въ Тургеневѣ достойнаго писателя. Тогда и это оригинально, когда цѣлый міръ признаетъ его такимъ.

Все однако бываетъ. Какое то духовное лицо въ томъ же Тобольскѣ, въ прошломъ столѣтіи спорило съ аббатомъ Шапомъ, извѣстнымъ астрономомъ, что земля стоитъ, а солнце ходитъ, и почтенный астрономъ ничѣмъ его не могъ переубѣдить. Эдмондъ Абу въ своей міровой рѣчи на гробѣ Тургенева припомнилъ того куцпа, который объявилъ въ Россіи: „я не знаю Тургенева, онъ Европеецъ, а я кундъ русскій“. „Этотъ субъектъ принадлежитъ къ самой многочисленной и самой сильной кастѣ—глупцовъ, но онъ выбралъ для Тургенева слишкомъ узкія рамки“, сказалъ Абу. Кондратъ также не признаетъ Тургенева и не слышалъ о немъ. Но не будемъ говорить сегодня объ этихъ явленіяхъ, объ этомъ „черномъ пятнѣ“. Для насъ достаточно, что эти симпатіи къ литературѣ связываютъ лучшую часть подрастающихъ поколѣній, что писатель нашелъ путь къ молодымъ сердцамъ и завоевалъ ихъ.

Молодое поколѣніе, молодое поколѣніе! Ты сфинксъ будущаго, изъ за котораго ломались копья въ нашей литературѣ, ты великое, какъ идея грядущей жизни, и безпомощное какъ ребенокъ, полное энергіи и безсилія, полное самомиѣнія и въ тоже время непоытное подобно мышонку, исполненное чистоты сердца, возвышенныхъ стремленій, но еще не ступившее лады въ практической жизни и хрупкое какъ тростникъ, загадочное, неуловимое „безформенное“, какъ опредѣлили тебя покойный художникъ, часто зазорное, но и покорное какъ дитя въ умѣлыхъ рукахъ, пытавшееся не разъ высоко подвять молодую голову надъ литературою, но въ

конецъ пришедшее поклониться на могилу писателю. Мало того, ты ищешь утѣшенія, руководительства, и у тебя „душа изболѣла“, „отдохнуть не на чемъ“.

Среди русской интеллигенціи было роковое недоразумѣніе, но связь интеллигентныхъ поколѣній сказалась. Нѣтъ стариковъ и молодыхъ, остались только „вѣрующіе“ въ идею человѣческаго совершенства. У насъ, сибиряковъ, также было своего рода недоразумѣніе съ своимъ молодымъ поколѣніемъ. Въ сущности мы не знали этого поколѣнія и оно мало знало насъ. Наше знакомство недавно началось.

Я помню, когда нива жизни нашей была пуста и молодое образованное поколѣніе Сибири только оставило родину и освобождало себя отъ всякихъ обязательствъ служенія ей. Собственно у насъ не было „молодого поколѣнія“. Это была странная страна, точно побитая градомъ. Съ грустью я иногда останавливался взоръ на этой землѣ и думалъ: гдѣ наши молодые всходы? Гдѣ наши юноши? Кого мы воспитываемъ, что мы оставимъ послѣ себя? Зазвучитъ ли когда на родной землѣ отзывчивый голосъ? Кто смѣнитъ поколѣніе старыхъ писателей, стоящее у могилы? Тяжело умирать одиноко, когда кругомъ ничего кромѣ „гамадриловъ“, какой-то оргіи, наживы, бѣшеной пляски самодурства, ничего, кромѣ ожирѣшаго Кондрата.

И вотъ въ это время я открываю внезапно цѣлое подроставшее поколѣніе, которое мало того, что воспитываетъ любовь къ литературѣ, ищетъ въ ней утѣшенія, ищетъ разгадки вопросовъ какъ общечеловѣческой, такъ и мѣстной нашей жизни. У него также есть свое накопившее горе, свои проклятые вопросы. Я полагаю, что у насъ съ нимъ солидарность гораздо большая, чѣмъ съ Кондратомъ, и намъ найдется чѣмъ подѣлиться. Сегодня я открываю мѣсто „молодой литературѣ“. Вотъ исповѣдь одного изъ нашихъ юношей и можетъ быть будущаго писателя, присланная мнѣ для фельетона.—Мѣсто молодости! провозглашаю я торжественно.

ИСПОВѢДЬ ЮНОШИ.

„Милостивые государи“!.. крикнулъ я жалобнымъ голосомъ и проснулся, дико озираясь.

Въ дѣйствительности же никакихъ милостивыхъ государей не оказывалось, а стоялъ только изъ черной жести подсвѣчникъ на столѣ, у котораго я сидѣлъ, облокотившись. Въ подсвѣчникѣ догоралъ огарокъ. Онъ скоро опустился въ нагрѣвшуюся трубку подсвѣчника и погасъ, пустивъ клубъ смяду на прощанье. Я остался въ прежней позѣ, прислушиваясь къ шуму вѣтра. Ночь случилась ненастная: осенній дождикъ монотонно лился на позелѣвшую отъ сырости кровлю моего жилища. Мало по малу мной овладѣло какое-то неопредѣленное тоскливое чувство... Это чувство еще болѣе усилилось, когда припомнились причины моего пробужденія...

Дѣло въ томъ, что я видѣлъ сонъ и сонъ при томъ диковинный. Приснилась мнѣ молоденькая дѣвушка... („Ага, это насчетъ шашней, значить“, мелькнетъ у иного читателя въ головѣ. Нѣтъ, смѣю завѣрить,—не беспокойтесь—ничего нѣтъ по этой части. Ну-съ, лицо у этой дѣвушки очень симпатичное. Угли черныхъ глазъ расположены хотя и не симметрично, но глаза смотрѣли такъ осмысленно, смѣло, даже съ отгѣнкомъ какой-то ироніи, что многое въ этомъ личикѣ можно было простить. Нѣсколько пухлыхъ губки и

нѣсколько приплюснутый носикъ давали понять, что въ жилахъ дѣвушки есть капля инородческой крови. Нарядъ былъ также оригиналенъ какъ фізіономія. На русскій сарафанъ наброшена опушонная соболемъ душегрѣйка, на головѣ мѣховая шапочка, а изъ подъ шапочки виднѣлась толстая черная коса, увѣшанная монетами. Дѣвушка сидѣла на вершинѣ небольшого холма среди необъятной равнины, сливавшейся гдѣ-то далеко, далеко съ сѣрымъ печальнымъ небомъ. Возлѣ дѣвушки стояло нѣсколько важныхъ серьезныхъ мужчинъ. Предъ этой группой съ поникшей головой стоялъ и дѣвушка вопросительно смотрѣла на меня, а важные серьезные господа перешептывались, и, взглядывая на меня, покачивали головами. Самые разнообразныя чувства боролись у меня въ груди. Мнѣ было почему-то стыдно предъ этими людьми и больно при мысли, что я чѣмъ-нибудь оскорбилъ эту дѣвушку.

Наконецъ одинъ изъ важныхъ господъ прервалъ это тягостное для меня молчанье. Онъ величественно по направленію къ дѣвушкѣ протянулъ руку, обнаружилъ при этомъ изящную кисть руки и ровнымъ металлическимъ голосомъ произнесъ—это твоя родина „Сибирь!“

Кровь застучала у меня въ вискахъ, бросилась краской въ лицо, закопошились тысячи мыслей, я чувствовалъ потребность излить ихъ... Но вступительное — „милостивые государи“ произнесъ такъ громко, что и проснулся.

Странный сонъ, тяжелый сонъ!.. Онъ, какъ говорится мнѣ въ руку.

Теперь, когда я все припомнилъ, сидя у стола, невеселыя думы еще сильнѣе овладѣли мной, хвостики мыслей вяло появлялись и исчезали. Мнѣ душно было въ комнатѣ, душно въ городѣ, гдѣ я всего два какихъ-нибудь мѣсяца назадъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Да, счастье непрочно... Въ самомъ дѣлѣ приснился этотъ сонъ мнѣ за два мѣсяца ранѣе, то я навѣрное не игралъ бы въ немъ такой жалкой роли. Ужели бы я стоялъ съ поникшей головой предъ красавицей и пискливымъ надорваннымъ голосомъ крикнуть,—милостивые государи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ...

Гордо, звучно, съ вызывающимъ взоромъ сказали бы и тебѣ примѣрно такъ: у тебя, красавица, толпа поклонниковъ. Они несутъ тебѣ дары. Я тоже твой поклонникъ, но какой даръ могу принести тебѣ? Конечно, если бы мнѣ дсвелось быть головой въ N-ской думѣ, то постарался бы „выхлопотать, наконецъ, женскую гимназію... Будь я богатъ, какъ г. X, завелъ бы тебѣ нѣсколько училищъ, школъ... А ужъ если бы мнѣ такое же богатство, какъ у г. B, то построилъ бы тебѣ, милая, цѣлый университетъ—учись бы только... Словомъ—если бы, но что говорить по пусту!

У меня ничего нѣтъ, и всякій дворникъ подъ сердитую руку не прочь поднять на меня метлу, не говоря уже о нѣкоторыхъ гражданахъ, нашей родины, не любящихъ выносить соръ изъ избы... Есть у меня голова, руки—онѣ къ твоимъ услугамъ!“

Да, такія рѣчи повелъ бы я прежде; такія рѣчи дѣйствительно и шепталъ я, сидя на школьной скамьѣ въ сладкой дремѣ подъ мѣрныя строфы Виргилія... Мнѣ грѣзилась деревня, потонувшая въ зелени, школа съ ребятишками—словомъ во всѣхъ подробностяхъ представлялась тихая, безобидная жизнь школьнаго учителя. Не мало также волновало меня чувство предстоящей свободы, ожидалось что-то доброе,

свѣтлое, такъ что даже окружающее какъ будто принаридилось въ моихъ глазахъ... Эхъ, мечты, мечты!

Помню, я вышелъ изъ того заведенія, гдѣ учился. Было роскошное утро и городъ, гдѣ я прожилъ восемь лѣтъ, показался мнѣ такимъ привлекательнымъ, что меня не шутку кольнула въ сердце мысль—разстаться съ нимъ. Но это лишь мимолетное чувство: чрезъ минуту даже удивился, какъ оно могло явиться у меня. Въ деревню, въ деревню мысленно твердилъ я... Тамъ вѣдь я родился... Какимъ былъ тамъ всё родное...

Съ такими почти мыслями, не замѣтно ускоряя шагъ, летѣлъ я вдолъ по улицѣ къ значительному лицу съ ранѣе приготовленной просьбой о мѣстѣ школьнаго учителя въ родномъ селѣ. Звоню, вхожу и ожидаю.

Не могу не сознаться, къ моему глубокому прискорбію, что у меня, благодаря, конечно, воспитанію, довольно развито честолюбіе, хотя я всячески стараюсь подавить это чувство. На этотъ разъ оно сыграло со мной скверную штуку. Я слыхалъ, что значительное лицо—человѣкъ просвѣщенный, „изъ цивилизаторовъ“, гуманный, учился въ университетѣ... А всякій истинно образованный человѣкъ, думалось мнѣ, дорожить народнымъ образованіемъ, считаетъ его дѣломъ святымъ... Слѣдовательно, выводить я, таковымъ народное образованіе будетъ считать и вышеозначенное значительное лицо, а слѣдовательно, продолжалъ я, оно сочувственно отнесется и къ будущему, такъ сказать, носителю его (т. е. образованія), каковымъ себя по своей крайней самонадѣянности я и воображалъ.

Но это еще ничего, наиблагосклоннѣйшій читатель, какъ видно мое воображеніе разыгралось не на шутку... Мысленнымъ очамъ моимъ представлялось уже, что добродушное лицо начальника привѣтливо смотритъ на меня, даетъ что-то даже въ родѣ отеческихъ совѣтовъ относительно моей будущей дѣятельности и, кажется (чистѣйшая нелѣпость!), жметъ мнѣ руку на прощанье.

Изъ всего этого читателю замѣтно, что я принадлежу къ крайнимъ идеалистамъ и кромѣ того замѣчается во мнѣ что-то такое, что освѣщаетъ мою личность съ не совсемъ привлекательной стороны. Но что дѣлать, каюсь, стараюсь поправиться. Впрочемъ неззя сказать, чтобы ужъ очень я былъ самонадѣянъ. Нѣтъ, стоя въ передней, я припомнилъ и Акакія Акакіевича и еще кое-что... все это впрочемъ на одну минуту. Вѣдь „то“ было въ Россіи, а не въ Сибири, думалось мнѣ. Нашъ цивилизаторъ начальникъ такъ важно говорить о невѣжествѣ Сибири, о необходимости просвѣщать ее.—Не можетъ быть чтобы онъ меня не понималъ.

Наконецъ я предсталъ предъ значительнымъ лицомъ... Совершенно противно моимъ ожиданіямъ: значительное лицо чуть-чуть кивнуло головой на мой поклонъ—это впервыхъ; во вторыхъ оно мелькомъ, какъ на какой-нибудь столъ, или стулъ, взглянуло на меня и начало читать прошеніе, подъ коимъ лежалъ мой аттестатъ. Я между тѣмъ, внимательно всматриваясь въ полъ, погрузился въ глубокія соображенія... Наконецъ значительное лицо подняло отъ моихъ документовъ коротко остриженную голову и на этотъ разъ, кажется, внимательно посмотрѣло на меня..

— Что же васъ, молодой человѣкъ, заставляетъ идти въ народные учителя,—у васъ такой прекрасный аттестатъ?.. Такого глубокаго вопроса, признаюсь, я столько же ожидалъ

как проливного дождя съ отштукатуреннаго потолка той залы, гдѣ стоялъ... По этому я призамедлил отвѣтомъ. Съ трудомъ, будто на вѣкахъ у меня были рудовыя гири, поднялъ я взоры и встрѣтилъ взглядъ значительнаго лица. Но что за взглядъ!.. Онъ, какъ сталь, врѣзалъ мнѣ въ глаза, электрической искрой пробѣжалъ по мозгамъ, мелкой дробью распался по снѣгъ и тоскливо замеръ гдѣ то въ пяткахъ...

— По призванію-съ, Вашество!..

— Гм. Хорошо, я передамъ вашу просьбу куда слѣдуетъ...

При этомъ я невольно какъ-то глубоко поклонился и вышелъ...

Въ эту минуту фізіономія у меня навѣрное была длиннѣе вершка на два обыкновеннаго. Въ груди какъ будто застыло чортъ знаетъ что-то, въ головѣ ни одной мысли. Поплелся домой, но на пути присѣлъ на мосту, безцѣльно глядя на противоположный берегъ рѣки, на необятный дугъ, гдѣ почти на самомъ горизонтѣ видѣлись березки.

— Вереть десять, чай, будетъ до этихъ березокъ, по-чому то спросилъ я себя...

— Да, не болѣе... отвѣтилъ себѣ сквозь зубы, вздохнулъ и поплелся во свояси.

Черезъ недѣлю являюсь справиться къ другому значительному лицу о судьбѣ прошенія. Тамъ мнѣ сказали, что дескать „не прислали“. Я къ первому значительному лицу—тамъ говорятъ, что „послали“. Я ко второму—отвѣчаютъ—„самъ скоро уже придетъ“. Въ такихъ приятныхъ развлеченіяхъ прошло два мѣсяца. Стало холоднѣе, хозяйка моей квартиры подозрительнѣе, апетитъ мой энергичнѣе, а въ карманѣ моего на всего двѣ копейки...

Наконецъ получаю мое прошеніе, на коемъ начертано— „отказать“. Не повѣрилъ глазамъ... Какъ? За что? Эхъ, моль, даже идея причинности и ту не пощадилъ ии... махнулъ рукой.

Было сѣрое октябрьское утро. Дождикъ какъ изъ сита лѣниво гноилъ почернѣвшія крыши домовъ. Я тащился домой усталый, измученный... Все глядѣло кисло, хмуро. Какъ разъ мнѣ привелось идти мимо того заведенія, гдѣ я учился... Alma mater глядѣла какой-то старушкой...

Мнѣ припомнились пыльные классы, юные товарищи, припомнились любимые, гуманные наставники... Да, будутъ учиться мои товарищи, будутъ надѣяться, ждать чего-то лучшаго,—приносить пользу родинѣ... А я? О, alma mater... твои мрачныя окна словно мутныя старческія очи матери слезятся, глядя на несчастное безпомощное дѣтище. Я прослезился...

Внезапно нашло на меня что-то въ родѣ вдохновенія. Съ чувствомъ ударилъ я себя въ грудь и произнесъ: о, дорогіе мои наставники... О, положительный Иванъ Ивановичъ, о, добродушный Петръ Григорьевичъ и вы, глубокій Яковъ Андреевичъ и т. д. Зачѣмъ вамъ было ставить мнѣ пять по наукамъ, когда Сократъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ?.. Веѣ вы, какъ нарочно, водрузили—каждый по своему предмету—роковое пять, да еще подъ одной общей чертой... Безъ нѣжда зарѣзали вы меня бѣднаго... единицъ мнѣ, единицъ... сжальтесь... Я зарыдалъ.

Словомъ мое состояніе духа было ужасно, я совсѣмъ раскисъ!.. Въ настоящій же разъ, когда дождикъ все идетъ, да идетъ, а вѣтеръ все жалобнѣе воевъ, когда въ комнатѣ у меня сыро и темно, какъ въ погребѣ, я... что бы вы думали,

читатель? Не унываю!.. Я пойду служить въ казенную палату, я пойду въ губернское правленіе, я пойду въ какую-то контрольную палату, я пойду къ самому Кондрату, наконецъ, если хотите, я пойду... Впрочемъ вы вѣдь узнаете, читатель. Все узнаете—расскажу до капелки.

Г. Младенкій.

Для эпилога я долженъ прибавить, что эту исповѣдь я получилъ не изъ лавки Кондрата и не изъ томской казенной палаты, а уже изъ одного русскаго университета. Вотъ гдѣ очутился герой этого разсказа.

Эта исповѣдь юности, первое раздумье и первое разочарованіе напомнило мнѣ многое изъ пережитаго. Первая разбитая иллюзія, первый дождь! Но что всего дороже для меня въ этой исповѣди, это то, что въ молодой душѣ начинаеть распустился самый дорогой цвѣтокъ—любовь къ родинѣ.

Я припомнилъ слова Эдмонда Абу на могилѣ Тургенева: „Тотъ кто не любитъ своего отечества всецѣло, пылко, до сумашествія, тотъ только полу-человѣкъ“.

И я прижалъ этотъ распустившійся цвѣтокъ къ груди моей.

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Французскія газеты распространили сенсаціонное извѣстіе, будто-бы прибывшій въ Парижъ изъ Лондона лордъ Лайонсъ слабленъ инструкціями, чтобы условиться съ французскимъ правительствомъ относительно присоединенія Франціи къ союзу Англіи съ Россіею, заключенному Гладстономъ. Этотъ новый англо-франко-русскій союзъ долженъ служить противовѣсомъ тройственному союзу италійско-австрійско-германскому, для предупрежденія обще-европейской войны, которая можетъ возникнуть будущей весной. Отставка военнаго министра генерала Тибодена объясняется тѣмъ, что онъ былъ противникомъ всеобщаго направленія министерства, политика котораго состоитъ въ колониальныхъ завоеваніяхъ. Тибоденъ стоялъ противъ войны съ Китаемъ и за умѣренность требованій въ отношеніи Тонкина, имѣя въ виду, сберечь и силы и деньги государства для болѣе существенныхъ надобностей. Преемникомъ ему назначенъ генералъ Кампенонъ. Въ противоположность прежнимъ слухамъ, Тибоденъ выйдетъ въ отставку до собранія палаты, и такимъ образомъ будетъ лишена возможности произнести передъ депутатами рѣчь, въ которой онъ могъ бы разъяснить имъ истинное положеніе вещей т. е. свое отношеніе къ министерству. Тибоденъ не имѣетъ депутатскаго мѣста въ палатѣ. Республиканская партія предлагаетъ ему избирательный округъ на югѣ Франціи. Переговоры съ Китаемъ не кончены: какъ французское правительство отвергло предложенія Пекина, такъ и въ Китаѣ не приняли французскія предложенія. Имѣется въ виду третій проектъ, обусловливающий взаимныя уступки. Между тѣмъ въ Кантонѣ, пограничьемъ съ Тонкиномъ китайскомъ городѣ, положеніе европейцевъ становится жутко. Населеніе, со времени внезапной смерти одного должностнаго лица, не можетъ успокоиться и грозитъ смертью иностранцамъ. Городъ охраняется патрулями и войсками. Въ Парижѣ получена нота испанскаго правительства, въ которой высказывается желаніе получить отъ французскаго кабинета свидѣнія о томъ, что имъ сдѣлано по случаю прискорбнаго факта: найдены-ли виновники манифестации противъ короля Альфонса и преданы-ли суду? Отвѣтъ постигдалъ въ успокоительномъ духѣ, послѣ чего французы считаютъ переговоры по дѣлу объ оскорбленіи короля Альфонса оконченными.

— Въ Лондонѣ, общество мира и международнаго третей-

скаго суда, членами котораго состоятъ болѣе 300 политических дѣятелей, обратилось къ сторонникамъ мира во Франціи, стремясь склонить правительство французской республики къ улаженію третейскимъ судомъ недоразумѣній между Франціею и Китаемъ. Въ роль безпристрастнаго третейскаго судьи рекомендовали или президентъ швейцарскаго союзаго со- вѣта, или же президентъ съверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Германія не можетъ успокоиться отъ негодованія на Францію, за оскорбленіе, нанесенное королю Альфонсу. Французскія газеты увѣряютъ, что, оскорбляя испанскаго короля, французы нанесли косвенное оскорбленіе Германіи и прусской арміи. Даже императоръ Вильгельмъ въ телеграммѣ къ испанскому королю выразилъ: „И сожалѣю отъ оскорбленія, которому вы подверглись въ Парижѣ, но мнѣ также извѣстно, что оно было направлено не столько противъ васъ, сколько противъ меня“. Какъ извѣстно уже, свиданіе германскаго и прускаго императоровъ не состоялось. По слухамъ, князь Бисмаркъ отклонилъ желаніе маститаго Вильгельма, подъ предлогомъ весьма серьезныхъ политическихъ соображеній. Въ Берлинѣ полагаютъ, что несостоявшееся свиданіе имѣетъ очень важное значеніе. Недавно редакторъ газеты „Berliner Tageblatt“ д-ръ Шеддихъ подвергнутъ судебной карѣ, за клеветаніе русскаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Толстого. „Berliner Tageblatt“, говоря о несостоятельности Сноунскаго банка, утверждала будто графъ Толстой задолжалъ этому банку полмилліона рублей и что дутыя операціи этого банка достигли грандіозныхъ размѣровъ, только благодаря протекціи высокопоставленныхъ лицъ, состоявшихъ должниками банка. Графъ Толстой обратился къ прусскому министру юстиціи съ жалобой, къ которой было приложено заявленіе русскаго министра юстиціи о томъ, что графъ Толстой не состоитъ должникомъ Сноунскаго банка. Прокуроръ, признавая фактъ оскорбленія доказаннымъ, предложилъ суду приговорить подсудимаго къ денежному штрафу въ 150 марокъ, а въ случаѣ несостоятельности къ аресту на 15 дней. Судъ согласился съ предложеніемъ прокурора и призналъ за обиженной стороной право обнародовать приговоръ въ газетахъ.

Въ Египтѣ, по случаю праздника Байрама, хедивъ обнародовалъ декретъ объ амнистіи. Холера въ странѣ проявляетъ себя уже только въ единичныхъ, но все таки смертныхъ случаяхъ. Нѣкоторые члены международнаго санитарнаго совѣта прибыли въ Александрію для изслѣдованія причинъ зараженія и свойства холеры, унесшей столько жертвъ. Между членами называютъ и русскаго доктора Эака.

Венгерскій сеймъ, согласно съ представленіемъ министерства, постановилъ сдѣлать уступки хорватской національности въ пользу свободы языка, кромѣ того возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи въ Хорватіи государственныхъ налоговъ, признанныхъ даже министерствомъ слишкомъ тяжелыми для населенія. Свѣдѣнія объ этомъ быстро распространились въ странѣ и волненіе начало утихать. Изъ некоторыхъ мѣстностей уже выведены войска.

Въ Сербіи составилось новое министерство подъ президентствомъ Кристича, относящагося къ радикаламъ благоприятно. Скупщина приняла желѣзнодорожную конвенцію заключенную правительствомъ съ Австріею.

Болгарское народное представительство приняло законопроектъ о вознагражденіи Россіи за расходы по оккупаци, а также принята желѣзнодорожная конвенція, заключающая предложеніе соединить желѣзныя дороги Балканскаго полуострова съ дорогами австрійскими. Въ Софіи было покушеніе на жизнь министра финансовъ Начевича. Покушавшіяся арестованы. Объявлена амнистія за всѣ политическія преступленія, совершенныя до восстановленія конституціи.

Порта внезапно измѣнила свое намѣреніе потребовать отъ князя болгарскаго Александра, какъ вассальнаго Турціи государя, отчетъ въ его дѣйствіяхъ. Напротивъ оффиціальная турецкая печать заявила, что султанъ смотритъ весьма сочувственно на введеніе реформъ въ странѣ, что князь по-

ступилъ въ данномъ случаѣ открыто и честно, что, освободивъ страну отъ диктаторства русскихъ генераловъ, онъ поступилъ согласно желанію своего народа. Турецкое правительство дѣлаетъ въ Германіи большой заказъ ружей.

Испанское министерство создало свою ошибку, давъ королю Альфонсу совѣтъ на возвратномъ пути изъ Германіи посѣтить Парижъ, а потому, взявъ на себя часть вины по оскорбленію короля парижанами, вышло въ отставку. Новое министерство составилось подъ управленіемъ Посада Герера.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

2-го октября утромъ на кронштадтскій рейдъ прибыла императорская яхта „Держава“ съ Государемъ Императоромъ, Государыней Императрицей, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими Августѣйшими дѣтьми Ихъ Величества. На рейдѣ императорскую яхту встрѣчали ихъ императорскія высочества великіе князья Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ, министр императорскаго двора, главный командиръ порта со своимъ штабомъ и генералъ-адъютанты Рихтеръ и Черевинъ. Послѣ обѣды были сервированы завтракъ и въ полдень Ихъ Величества изволили отбыть къ Петергофъ на яхтѣ „Александрія“.

„Новое Время“ сообщаетъ, что дѣль поѣздки г. министра государственныхъ имуществъ, статсъ-секретаря Островскаго, на Кавказъ, находится въ непосредственной связи съ вопросомъ объ изытаніи и переходѣ государственныхъ имуществъ въ настоящее время изъ вѣдѣній главнаго начальника края, князя Дондукова-Корсакова, въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ; съ дѣлью принятія имуществъ уже ранѣе былъ командированъ специальный чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ, но дальѣйшее положеніе дѣль на Кавказѣ потребовало личнаго присутствія статсъ-секретаря Островскаго, который, какъ полагаютъ, вернется изъ поѣздки лишь къ ноябрю.

30-го сентября въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ, подъ предсѣдательствомъ сенатора Полнера, разсматривалось дѣло директора почтоваго департамента Перфильева. Подудимый, сознавшись въ растратѣ, объяснилъ растрату пожертвованныхъ тамбовскимъ земствомъ 30,000 р. увѣренностью, что земство не спохватится. Защитника у подсудимаго не было; товарищъ прокурора Поскочинъ въ энергической рѣчи настаивалъ на строгомъ наказаніи. Сенатъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, приговорилъ Перфильева къ исключенію изъ службы и къ штрафу въ 15,000 р.

Лицамъ женскаго пола, окончившимъ 4-хъ лѣтній курсъ въ предполагаемомъ къ учрежденію институтѣ ученыхъ акушерокъ, будетъ предоставлено право свободной практики по приглашенію лицъ, желающихъ пользоваться ихъ совѣтами. При этомъ имъ не будутъ присвоены права ни на государственную службу по врачебной части, ни на исполненіе обязанностей врачей въ присутствіяхъ по отбыванію воинской повинности и судебно-медицинской экспертизъ, ни на завѣдываніе общими больницами и дежурство въ нихъ. Имѣть съ тѣмъ, онѣ будутъ освобождены отъ узаконенной отвѣтственности за невку по требованію больныхъ для подаанія помощи и судебныхъ учреждений для медицинской экспертизы. Въ качествѣ специалистовъ для женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ онѣ будутъ имѣть право занимать должности штатныхъ врачей при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ, пріютахъ, воспитательныхъ домахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, а также въ специальныхъ дѣтскихъ и женскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеніяхъ. Имена получившихъ званіе ученой акушерки будутъ вносимы, на основаніи общаго для всѣхъ врачей заговя, въ руссійскій медицинскій списокъ лицъ, имѣющихъ право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильнодѣйствующихъ средствъ.

„Нов. Времени“ пишутъ изъ Москвы, что тамъ въ настоящее время проѣздомъ гоститъ г-жа Ковалевская, жена

профессора, недавно умершаго трагическою смертію. Г-жа Ковалевская кончила въ Геттингенѣ университетскій курсъ докторомъ математики. У насъ думала держать экзаменъ на магистра, но это не удалось. Теперь г-жа Ковалевская приглашена на три года приватъ-доцентомъ въ Стокгольмскій университетъ; читать лекціи она будетъ по-нѣмецки.

— Всѣ мѣста на тургеневскій вечеръ 28 сентября были разобраны заранее; за кресла первого ряда жертвовали по 15 и болѣе руб. Значительная часть публики долго стояла у кассы, тщетно добываясь билетовъ. Въ роскошно убранномъ залѣ на пирамидальномъ возвышеніи, покрытомъ чернымъ бархатомъ, стоялъ подъ навѣсомъ пальмъ мраморный бюстъ И. С. Тургенева, окруженный декораціей изъ тропическихъ растений; внизу у подножія бюста лежали цѣнные вѣнки. Во вступительномъ словѣ, Стасюлевичъ, привелъ стихи Баратынскаго, смыслъ которыхъ: „Поэтъ читаетъ книги звѣздъ, слышитъ голосъ волягъ“, сказалъ, что Тургеневъ слышалъ голосъ робкаго, любящаго, судорожно сжимающагося русскаго сердца, внималъ его трепетному бѣнію, различалъ его студи и шумы. Прочитанныя Анненковымъ воспоминанія носятъ личный характеръ; въ нихъ обрисованы отдѣльными фактическими случаями доброта и гуманность покойнаго. Григоровичъ прочелъ четыре стихотворенія въ прозѣ. Кавелинъ прочелъ „Довольно“. Вейнбергъ—стихотвореніе, въ которомъ сравнилъ судьбу прежняго писателя съ нынѣшнимъ: прежде писатель проходилъ безшумно, незамѣтно среди толпы холодной, тропы къ нему заросла; теперь его чувствуется, возносится признательное общество, тропы къ нему болѣе не заростетъ. Во второмъ отдѣленіи прочитаны были письма, по болѣзни отклонившихся отъ чтенія на вечерѣ, Салтыкова, Островскаго, Гончарова. Затѣмъ читали стихи Плещеева, Половскій и Надсонъ; въ заключеніе Потѣхинъ прочелъ „Живыя мощи“, а Савина—„Свиданіе“. Сборъ вечера доставилъ свыше 3,000 р.

— „С.-Петербургскія Вѣдомости“, говоря о похоронахъ Тургенева, дѣлаютъ слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя было обратить вниманія на совершенное отсутствіе официального міра на похоронахъ (о полицейскихъ чинахъ мы не говоримъ,—они отправляли свои обязанности). Мы не видѣли никого изъ государственныхъ людей и никого изъ военныхъ. Какъ объяснить этотъ фактъ, мы не знаемъ. Между тѣмъ, наше государство вовсе не въ разладѣ ни съ наукою, ни съ литературою, ни съ искусствомъ. Оно во всѣ времена покровительствовало имъ. Тутъ вышло что-то непонятное“.

— „Русскій Курьеръ“ указываетъ на слѣдующій фактъ отношенія „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ къ похоронамъ Тургенева. Какъ 25-го, такъ и 26-го сентября въ петербургскихъ газетахъ было помѣщено объявленіе распорядителей о томъ, что похороны состоятъ 27-го сентября; между тѣмъ 26-го „Сѣверное Агентство“ разослало во всѣ газеты телеграммы съ извѣщеніемъ, что Тургенева хоронятъ 29-го. Тѣмъ не менѣе оказалось, что похороны состоялись 27-го сентября, и многіе изъ депутатовъ, желавшіе на нихъ присутствовать, пріѣхали въ Петербургъ, когда Тургеневъ былъ уже преданъ землѣ. „Недѣля“ по поводу этого задаетъ вопросъ: что это—непростительная несправдливость, или возмутительная преднамѣренность?

— На-дняхъ, говоритъ „Эсти Постимесъ“, нами получено отъ главнаго управленія по дѣламъ печати предписаніе, которымъ воспрещается обозначать точками или черточками мѣста, исключенныя цензурой. («Риж. В.»).

— Копенгагенъ, отъ 28 сентября. Судно «Dumfries» пробилося 2 августа чрезъ ледъ и въ тотъ же день потеряло винтъ, послѣ чего снова было затерто льдами, но пробилось сквозъ нихъ и 29 августа прошло черезъ Карскія Ворота. (С. Т. Аг.).

— Изъ Архангельска пишутъ въ „Новое Время“: Сосланные сюда на житье за уголовныя преступленія Вейсманъ и Ливенный всѣхъ правъ Паракинъ—бѣжали изъ Холмогоръ,

куда они были водворены. Предполагаютъ, что они скрылись за границу чрезъ архангельскій портъ. Бывшій здѣшній полиціймейстеръ г. Робушъ и поручикъ Нюхаловъ задались цѣлью найти полярную экспедицію, за отысканіе которой нидерландское правительство обѣщало 50,000 кронъ. На частномъ пароходѣ „Георгій“ они направились къ Карскому морю, но спасти экспедицію имъ не удалось, такъ какъ ее раньше уже встрѣтилъ пароходъ Сибирикова и оказалъ помощь. Получить ли капитанъ этого парохода обѣщанные 50,000 кронъ—еще неизвѣстно.

— На-дняхъ, какъ сообщаетъ „Русскій Курьеръ“, получена въ Шинегѣ бумага о предоставленіи къ освобожденію тѣхъ изъ административно-ссылныхъ, которые заслуживаютъ того своимъ поведеніемъ и образомъ жизни. Мѣстный жандармскій надзоръ, какъ слышно, высказался за облегченіе участи почти всѣхъ находящихся въ настоящее время въ Шинегѣ и Мезени административно-ссылныхъ и въ особенности нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которымъ назначены долгіе сроки. Въ такомъ смыслѣ отвѣтъ и отправленъ куда слѣдуетъ.

— Изъ Ташкента, отъ 26-го сентября, С. Тел. агентство сообщаетъ: вчера генераль Черняевъ произвелъ въ Ташкентѣ смотръ войскамъ. На смотрѣ присутствовали французскій военный агентъ, баронъ де-Серме, временно посѣтившій Ташкентъ.

— Изъ Иркутска отъ 29-го сентября „Сѣв. Тел. Аг.“ Въ Иркутскѣ сентябрь стоитъ сухой и теплый, дождей нѣтъ. Сегодня въ пять часовъ вечера въ тѣни 16 градусовъ тепла. 27-го числа въ 11 часовъ 20 минутъ было незначительное землетрясеніе. Отъ 1-го октября: сегодня здѣсь на солнцѣ 27 градусовъ, а въ тѣни 15 градусовъ тепла.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. Съ портретомъ. ЦѢНА 25 КОП.

Выпущено 10 экз. уступается 25%. Адресъ: Литейная, 35, к. 23, Воицкаго.

22-го сентября окончена печатаніемъ и 30-го поступила въ продажу новая книга:

ПѢСНИ ЖИЗНИ

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОМУЛЕВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Оригиналы. Стихотворенія. Деревенскія пѣсни. Поэмы. Сибирскіе мотивы. Юмористическія стихотв. Переводы: изъ Ад. Мицкевича, Влад. Сырокомли и друг.

Въ 8 д. л. 504 стр. Ц. 3 руб. Складъ изданія въ бібліотекѣ А. Иванова. С.-Петерб. Казанская, № 28.

СЛОВОЛИТНЯ

въ С.-Петербургѣ

О. И. ЛЕМАНА

Банковскій м., 52-3.

существуетъ съ 1854 года.

Постоянно располагая БОЛЬШИМЪ ЗАПАСОМЪ готовыхъ шрифтовъ, словолитня въ состояніи, въ весьма короткое время, удовлетворить самымъ значительнымъ требованіямъ.

Съ словолитней соединены: гравюрное, стереотипное и гальванопластическое заведеніе.